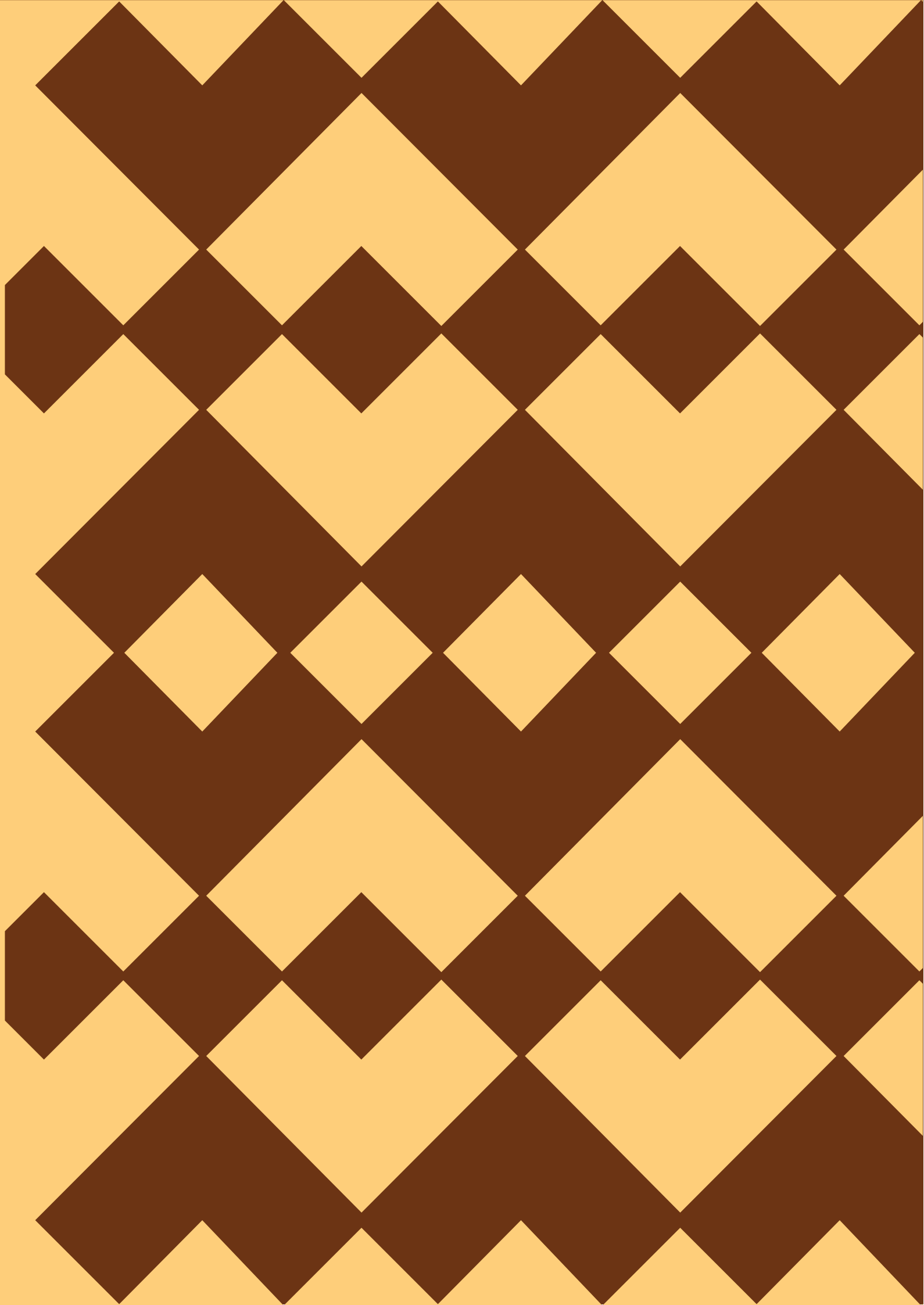
Анна КОНЬКОВА
СКАЗКИ
БАБУШКИ
АННЭ



Анна КОНЬКОВА

СКАЗКИ БАБУШКИ АННЭ

Иллюстрации детей поселка Талинка

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2001

ББК 83.3 Ма
К64

Историко-краеведческий музей МОУ «СОШ № 7» пос. Талинка выражает благодарность за помощь и поддержку **Борису Исаевичу НУРИЕВУ** — депутату Думы Ханты-Мансийского автономного округа, **Михаилу Марковичу ПОЛОНСКОМУ** — генеральному директору ТНК-Нягань.

Выражаем признательность за сотрудничество ДШ искусств № 3, преподавателям художественного отдела **Юрию Викторовичу САВИНУ**, **Дмитрию Валерьевичу СЕДАЙКИНУ**.

Автор идеи и руководитель проекта учитель истории и заведующая историко-краеведческим музеем средней школы №7 пос. Талинка **О.П. СТЫЦЮК**

Рекомендовано к изданию XI Региональной научно-практической краеведческой конференцией «Словцовские чтения-99».

В оформлении книги использованы батик **Ю. Савина** «Северное сияние» и орнаменты из книги **П.Е. Шешкина** и **И.Д. Шабалина** «Мансийские орнаменты» (СПб.: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1993).

ISBN 5-7529-0042-5

© Конькова А.М., 2001
© Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001
© Медиа Технологии Групп, дизайн, 2001

Из рода Чаек. А. Мищенко
Мать Матерей. М. Мадьярова
Слово и изображение. Н. Федорова
Памяти Анны Митрофановны Коньковой. Н. Косполова

Хочу Не хочу
Как Окунь полосатым стал
Каждый другом силен
Маснэ и Зайчонок
Зайчонок и Комполэн
Умный Сойтын
Сорнин Канясь — Золотой Князь
Лось и Выдренок
Жадная Тэряйка
Сынок с Оленье Ушко
Откуда Северное сияние пошло
Старший брат
Комполэн — Болотный Дух
Вожак Ивыр
Поссам — Лучик
Сынок с Оленье Ушко
Храбрая Татья
Сантыр и Лэен
Вындыр-охотник и Ялвал Ходячий
Аринэ и Санки Оленьи Рожки
Мыколкина кямка
Стрела — Огненный Наконечник и Ворнэ

Словарь мансийских слов и выражений
Историко-краеведческий музей
средней школы № 7 пос. Талинка

ИЗ РОДА ЧАЕК

А. Мищенко
член Союза писателей России,
лауреат литературной премии
им. Ивана Ермакова

О сказочнице манси Анне Митрофановне Коньковой я написал повесть. Общаясь с этой чудесной бабушкой, другом всех птиц и зверей Югры и любимицей малышни, собрал однажды ее сказки в сборник, подредактировал их и передал на областное радио. Выпархивать они стали в эфир, как птицы. Потом я переправил рукопись в Средне-Уральское книжное издательство, и вскоре на свет появилась первая книжка бабушки Аннэ, ставшей позднее членом Союза писателей России.

Анна Митрофановна тихо жила в Ханты-Мансийске с дедом Колей в небольшом домике с голубыми ставнями и рябиной под окнами. Опекали старики ставшего ручным вороненка Борю (бабушка отобрала раненую птицу у соседского мальчишки, который стравливал подшибленную птицу с котом). Вороненок скоро привык есть вместе с родными теперь ему людьми. Он поклевывал со спинки стула из своего блюдца мясо, творог, хлеб или картошку. Научился разговаривать с хозяйкой. Сядет та за стол сказки писать — он тут как тут, спрашивает: «Крэ-крэ» — что, мол, делаешь? Слушал вороненок, как рассказывала Анна Митрофановна мне о своей жизни. Поднимет голову и глядит на нее сверкающими глазами, ну точь-в-точь как собачка или ребенок, которые сразу доброту чувствуют.

Родилась ровесница Октябрьской революции Анна Митрофановна Конькова в затерянной в древних мансийских лесах деревеньке рыбаков и охотников Евре в роду Чаек, легких и веселых, чаячьих людей. Память ее воскрешает, как искрится и переливается в лучах солнца чистый и ядреный, будто крупная соль, песок на берегу Евры. На увале стоит деревушка Евра — четыре десятка крепких бревенчатых изб. Обступили их урманные кедры, мохнатые ели, веселая зелень сосен и пихт, окружили заросли черемухи и рябины.

Из сохрупа, небольшой мансийской коптильни, стелется по реке синий пахучий дым, золотится на жалинках из черемуховых веток рыба, зверьками бегают под ней струйки огня. Сморщенная, как сухой гриб, бабушка Околь проворно переставляет жалины с одного яруса на другой. Внучка ее Аннэ поворачивает золотистые тушки так, чтобы огонь лизал рыбу жаром со всех сторон. Свиваются в косу, далеко протянувшись над гладью реки, дымы из других сохрупов.

И новая картина. Слушает девочка Аннэ вместе с другими евринцами Слово к речке бабушки Околь. «Счастья тебе, вода, — поет она, — живи вечно, родительница жизни — вода, научившая нас делать лодки-каяки и плести сети, слушать песенный шум волн, звонкий полет струй и журчанье ручьев. Пусть будут икряными жители твои рыбы, поилица и кормилица наша Евра. Счастлива будь во веки веков». И кажется маленькой Аннэ, что река ласковыми плесками волн явственно выговаривает слова ответной благодарности старой и мудрой Околь. Как сказку, воспринимает все это действо ее внучка.

А вечером, когда над Еврой начинают светить жемчужины звезд, бабушка отправляет спать Аннэ. Вскоре, погасив свечу, устраивается рядом с ней и

сама. Тонким слухом своим улавливает Околь в темноте, как моргает ресницами ее любимая внучка, — не спит, значит. Прижав к себе теплое тельце ее, бабушка рассказывает ей легенды о солнце, которое ночует на перине молодого болота Янги. О луне-труженице звучит сказка, как чистит до блеска она песком звезды, вечером по небу их рассыпает, серебряным светом зажигает, следит, чтобы никуда они не закатились, не склевали их ночные птицы и светили бы звезды рыбакам и охотникам, указывали тропки к лесовним юртам. Утром собирает их луна в кузов-пайп, нести его нелегко, гнется она от тяжести пайпа и становится тонкой, как охотничий лук. Белая, словно туман, приходит луна к Янге и отдыхает на ее перине, как и солнце, которое ни свет ни заря подалось на работу.

В другой вечер слушает Аннэ от бабушки о приключениях Белого оленёнка, и снится мансийской девочке потом, как сидит она на берегу Янги, гладит бугорки будущих рожек гладкошерстного дружка своего и напевает ему колыбельную:

Пусть растут рога
Не от зла, а от добра,
А когда подрастут,
Много братьев найдут,
Их ко мне приведут.
Я костер разложу,
Песней спать уложу.

То лирической, то драматической сказкой стала вся жизнь Анны Митрофановны. Лермонтовская Бэла виделась ей в школе горной бабочкой, которая опалила огнем крылышки и погибла. И Аннэ ревела, укрывшись за пальто, в раздевалке, от бессилия, что не может вернуть Бэлу к жизни, нахлестать по щекам Печорина.

Математик Андрей Сергеевич Немчинский, высокий, толстый и плечистый мужчина с хриплым и грубым голосом, отругал Аннэ на первом своем уроке, и она его невзлюбила. Ходит у доски Немчинский медленно, вразвалочку и напоминает девушке злого героя мансийских сказок Ялвала, у которого была сожжена ступня левой ноги. Земля колыхалась, когда ходил Ялвал, ступит правой ногой — правая сторона колышется, левой ступит — левая идет волнами. «Ялвал ходячий», — дразнит Немчинского строптивая ученица, не отрывая взгляда от его ботинок сорок шестого размера. «Тангенс-котангенс», — бубнит она и показывает язык в спину Немчинскому.

А в педучилище в Ханты-Мансийске вошел в ее жизнь однокурсник Иван Ламбин. Реснички глаз скромного и тихого ханты вздрагивали от резкого стука, когда он задумывался. За это и назвала его Аннэ нежно и ласково — Ивой. Вспыхивает в памяти ее меркнущий свет луны. Ива везет молодую жену на лодке к месту работы в школе. Аннэ безмерно счастлива в эти минуты: с ней сейчас все самое дорогое — доченька Элинька, которая лежит в постельке на дне лодки и посасывает пустышку, муж Ива и винтовка-тозовка — награда ей как ворошиловскому стрелку.

В багровом свете видятся бывшей учительнице годы войны, когда работала она в интернате, и малыши ее понимали, что каждый килограмм рыбы — снаряд по врагу, а потому и долбили лунки в Пыжьянке, каждый день ловили тут окуня и карася для нужд фронта, не уходили с озера, пока не занемеют от ледяной воды руки и носы не станут лиловыми. Вела промысел с ними и любимая их учительница.

Печаль застилает душу старой Аннэ, когда вспоминает она погибшего на войне Иву, многие вдовьи беды, когда жизнь ее становилась порой как густой

дым, из которого, кажется, не выбраться. Зазвенела в сознании бабушки-сказочницы мелодия «Миснэ» — песни о лесной фее-манси. Музыку в десять лет написал ее сын Митенька. Мог стать композитором он. Но у судьбы нравы не управляемы. Утонул мальчик, взяла его Обь-река. Больно матери за сына, за кровинку свою.

Сухими глазами глядит Аннэ в даль прошлого: в кровь впитала она закон манси — живым жить, а не слезы лить. И видится ей, что конечно же не раз бывало, как идет по Югре Золотая баба Сурненне. Взгляд бабушки Околь угадывает Аннэ в этой женщине, сердце которой переполнено было любовью и бесстрашием. Ступала по земле она так нежно, что не колыхнется уснувшая трава и не пискнет ягодка, не упадет вечерняя росинка, не порвется туман над ручьем. И видение и воспоминание сливаются в одну картину у старой манси, не отделить воображаемое от былого. И слышит она наставление бабушки:

— При лучшей подруге даже не плачь, невмоготу станет — иди в лес и выплачься, чтоб не видели твоих слез... Живи по-манси, внученька дорогая.

По ее завету и жила Анна Митрофановна.

Видит она зрением памяти кладбище среди кедров, сосен и елей на круче близ поймы Оби, фиалки и ноготки на холмиках могил дорогих ей людей — Митеньки, мамы, брата Сени и матери матерей Евры Околь. Вновь всплывают в памяти избы родной деревеньки, шелестящая о песок волнами Евра, белешенькая Околь, гомонливые, как чайки, мансийские ребятишки, которых водили к ней, как в детсад. За сказками шли к ней малыши. Усадит в кружок их Околь, откроет узорный берестяной кузовок — ватлан, заулыбается солнечно — каждая морщинка на лице светится — и долго роется в нем, перебирает еловые и сосновые шишечки, сучки и рогульки, потом вытащит что-то с донышка, устланного белым мхом-ягелем. Повернет так и эдак, к глазам близко поднесет и скажет:

— Хороша сказка.

Подует на нее, теплой своей ладонью погладит и проговорит:

— Хороша-а, детям на потеху, а взрослым на утеху.

И слушают ее ребятишки не шелохнувшись, слушает и маленькая Аннэ. Не дано знать ей пока, что спустя много лет в другой уже узорчатый ватлан будет собирать она свои сказки и дарить детям в Ханты-Мансийске.

Вновь кажется бабушке Аннэ, что берет она сказки из ватлана, как Околь, поглаживает их. И сказки выпархивают из рук. Реют сказки-чайки в голубом небе, вертят точеными своими головками и кричат, бодря небесный простор: «Кай, кай, кай». «Сколько же вы пережили, сказки, перестрадали вместе со своим народом, — думает Анна Митрофановна. — И мерзли с манси, и голодали, и купцы в паучью сеть кабалы вас заманивали. Власти мяли, душили, калечили. За горло брала вас жизнь, как тонущего человека, который барахтается в зыбуне, грязи, пытается выползти к суше. Страх навевали на старых и малых злые духи Ялвалы, Комполэны, Виткаси, Вор-Хумы. Страдало сердце у Околь, которая боялась произнести вслух имена этих чудищ. А в сказках и побеждать стала. Спалось после сказок ей крепче, спина не так уставала в делах, рождалась надежда на что-то лучшее в жизни».

Болью отозвалась во мне весть о кончине Анны Митрофановны, и вижу я ее теперь в воображении, как летит в стае чаек она над Югорией, и звучат в моей памяти ее слова, сказанные мне и вороненку Боре в приветном домике с голубыми ставнями и рябиной под окнами: «Не все сказки дожили до светлого времени. Многие умерли, погибли, замерзли в снегах и во льдах, в темных стенах жизни. Теперь летят мои сказки, сказки родного народа по радиоволнам, дают им жизнь печатные машины». И так можно завершить это мое вступление к книге сказок Анны Митрофановны: крылатыми они стали.

МАТЬ МАТЕРЕЙ

М. Мадьярова
зам. директора Окружной библиотеки
г. Ханты-Мансийска

Анну Митрофановну Конькову, такую земную и обыкновенную и в то же время сказочную и загадочную, знали и любили очень многие. К сожалению, писать и говорить о ней приходится в прошедшем времени. Анна Митрофановна совсем недавно ушла из этой жизни. Но остались ее книги, сказки и легенды, остались навсегда в памяти те необыкновенные ощущения от встреч с этой красивой и мудрой женщиной, от мелодии и очарования ее голоса. Думаю, что со мной согласятся все, кому хоть раз довелось встретиться и поговорить с Анной Митрофановной, кто слышал ее по радио или видел по телевизору, встречал ее имя на страницах газет и журналов и читал ее книги и уж конечно же те, кто был ее воспитанником и учеником.

А.М. Конькова (Картина) — внучка сборщика податей и хранителя родового капища — родилась в мансийской деревне Евре. Ее родовое имя — Аннэ из рода Чаек. Это был древний род, историю которого описала позже Анна Митрофановна в романе-сказании «И лун медлительных поток» в соавторстве с тюменским прозаиком Геннадием Сазоновым. Роман издан в 1992 году, а до этого была очень насыщенная, трудная, порой драматическая жизнь.

Трудовой и творческий путь Анны Митрофановны, человека высокой внутренней культуры, душевной мудрости, начинался в далекие тридцатые годы работой в национальных школах Березовского района, затем в кочевой школе на озере Пыжьян Ханты-Мансийского района. Более 30 лет отдала она детям.

С любовью и нежностью написала об Анне Митрофановне ее дочь Эльвира Ивановна Мальцева в книге «Евра — любовь моя» (Сургут, 1993). В ее рассказе о матери много таких деталей и подробностей, о которых даже и не подозреваешь. Трудным было детство, многое испытала юная Аня, прежде чем попала в педагогическое училище.

Тепло и надежно было ей только с бабушкой, которая знала множество сказок и легенд, загадок и поговорок. Не раз потом в своей жизни вспоминала Анна эти жемчужины народной мудрости, рассказывая их всем, с кем сводила судьба.

В связи с этим Анна Митрофановна вспоминала: «Сказки, которые я рассказываю, родовые наши сказания сохранила память моей бабушки. Матерью Матерей звали в стойбище бабушку Околь, а Мать Матерей — это высокое звание мансийской женщины». В расцвете лет этим званием была увенчана и мать Анны Митрофановны. И сама она еще в девичестве была названа так за раннюю мудрость, за памятливость, за умение промышлять рыбу, зверя.

Анна Митрофановна становится хранительницей памяти своего народа. И это не случайно. С жадным интересом вслушивалась она в разные волшебные истории, вслушивалась и запоминала, а потом стала их записывать, еще не предполагая, что сказка станет основным делом ее жизни. Но заняться всерьез своими записями она смогла только тогда, когда перестала работать в школе.

Отныне начинается другая деятельность, которая будет исчисляться не только прожитыми годами, но сотнями исписанных листов. Очень критически относилась она к творчеству: одно и то же переписывала много раз. Казалось, что все плохо, вяло, неумело. И тогда шла в школы, детские сады, рассказывала то, что сочинила за письменным столом.

Педагогический дар соединился с даром рассказчика. Ее сказками заслушивались и дети, и взрослые. В семидесятые годы вокруг А.М. Коньковой создается творческая лаборатория молодых прозаиков. К ней зачастили этнографы, финно-угроведы, фольклористы, ученые из Прибалтики, Венгрии, Германии, Франции, Англии. Появляются новые поклонники ее таланта.

В начале восьмидесятых годов сказки Анны Митрофановны были опубликованы в сборнике «Огонь-камень» (Свердловск, 1981), а в газете «Ленинская правда» их стали активно печатать еще с 1976 года.

Я уже упоминала роман-сказание «И лун медлительных поток». Этот первый в мансийской литературе роман выдержал три издания (Свердловск, 1982, 1990; Москва, 1994).

В 1983 году А.М. Конькову принимают в Союз писателей СССР.

Выход отдельным изданием книги «Сказки бабушки Аннэ» в 1985 году стал значительным событием в жизни автора: сказки зажили отдельной жизнью.

Интересная история и у двух последующих изданий сказок. О многом говорит тот факт, что в их издании принимали участие американские нефтяные фирмы «Эксон» и «Мобил» (1993).

Радует и издание, осуществленное столичным издательством «Мария», с очаровательными рисунками Т. Васильевой.

Если бы у учителя в руках оказалась книга А. Коньковой «Вожак Ивыр» — миниатюра, изданная к 75-летию писательницы и любовно проиллюстрированная художником Геннадием Райшевым, то стало бы понятно, почему книга, не успев выйти, стала библиографической редкостью.

Последнее отдельное издание своих сказок Анна Митрофановна назвала «Свидание с детством» (М.: Унисерв, 1996). И естественно, начинается книга воспоминаниями о бабушке.

Я благодарна судьбе за то, что она подарила мне возможность общаться с Анной Митрофановной, бывать в ее зеленом домике, в новой квартире, последнем ее пристанище, на всевозможных публичных встречах, которые мы с удовольствием организовали у себя в окружной библиотеке. И всегда это было открытие, узнавание нового, чего-то яркого и необычного. Всегда это было событие.

СЛОВО И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Н. Федорова
член Союза художников России, искусствовед

Мудрая, добрая, несуетная, всегда приветливая и, уже даже поэтому, конечно, красивая — Мать Матерей, как верно отметил Еремей Айпин и как называют таких людей в народе — такой вспоминается Анна Митрофановна Конькова. И когда в старый Ханты-Мансийск, еще тоже не суетный, приезжал новый человек, связанный со словом, и вообще, с культурой, спрашивали: «А Вы не были у Коньковой?» Она дарила знания, вселяла душевные силы — разговором, взглядом, самим присутствием, она была живой частью этих мест.

И вот теперь Бабушка Аннэ разговаривает со страниц книжек. В этой — с детьми из северного поселка Талинка, а если шире — с детьми одного из северных городов. Кто они, эти дети, которые вступили с ней в разговор с помощью рисунка, то есть вступили в со-творчество? Наверное, дети нефтяников, газовиков — тех, кто приехал на эту землю из разных мест. Выросшие в городе, пусть и среди большой природы, многие из них не знают ее, не знают и живых зайчат, медвежат, лосей и оленей, других «соседей», с которыми живут ря-

дом, — главных персонажей мудрых сказок. Нам известно, что большинство авторов рисунков учатся в художественной школе, и вместе с ребятами из пригородного поселка Талинка, где создан музей, они знакомились не только с миром природы края, но и с его мифами, легендами. А потом родился замысел этой книги.

Детское творчество и сказка — явления близкие. Детская душа открыта для познания — и в глубь себя, в генетическую память — богатейшую почву для творчества, и в народную культуру, которая тоже — память. Сказочное слово и детское изображение родственны по образному, синтезированному восприятию мира, где есть место и знанию, и игре, творчеству. Конечно, у коренных северян — детей манси, ханты — рисунки были бы иными, ведь они еще не утратили генетической памяти охотников, рыболовов, да и живут они в природе, где и рождается сказка. Думаю, будет и такая книжка. Но сейчас важно то, что «Сказки бабушки Аннэ» «выбрали» горожане, и мансийская сказительница стала им родной, соединилась с их душой, ибо ее творчество украсилось рисунками детей, выросших на этой земле.

ПАМЯТИ АННЫ МИТРОФАНОВНЫ КОНЬКОВОЙ

Н. Косполова
реставратор Тюменского областного краеведческого музея
им. И.Я. Словцова, внучка А.М. Коньковой,
автор выставки «Север — открытый космос»,
посвященной творчеству мансийской сказительницы

Читателю адресована книга, лишь с первого взгляда — детская только и зрелищная только. Современная гуманистическая наука, обращаясь к Человеку как частице Земли и Вселенной, изменила представление о мире через самопознание и самосознание. Проходя этапы знакомства с Землей, Миром Животных, Нравственным законом, Человек прозревает в «идеальном Я», «моральном Я», «настоящем Я».

Синкретическая мудрость древних знаний помогает ему в этом. Самый лаконичный, «правильный» в своей логике песни, притчи, синтеза цвета, звука, запаха, Прошлого и Будущего, соизмеримого с Вечным, язык сказки формирует познание мира у человека через образы, общее число которых небесконечно, откуда особая тонкая гармония. Гармония образов Севера воспринимается детьми непосредственно, на интуитивном уровне, включая механизмы запоминания, накапливающие информацию впрок для востребования в каждом следующем возрасте. Оттого так многомерна емкость Сказки — самостоятельного вида поэзии, самостоятельной цельной МЕТАФОРЫ. Оттого создателям данной книги показалось естественным предложить иллюстрировать сказки — детям.

Учебный характер рисунков (композиций) не помешал детям творчески воспринять этическое в сказке. Будущие художники могут увидеть в этом задачу нового, ассоциативного подхода к иллюстрациям сказок.

Положительный опыт преподавания посредством сказки путем последовательного выполнения заданий детьми осуществлен впервые.

Впереди — опыты интегральной педагогики, раскрывающей сказку как космос: визуально и интуитивно. Хочется, чтобы дети поняли мудрость через ассоциации.

Новое тысячелетие несет новые подходы к иллюстрированию тайной мудрой северной сказки, голос которой продолжает звучать независимо от сказителя, художника, рассказчика — благодаря им.

КАЖДЫЙ ДРУГОМ СИЛЕН

ХОЧУ НЕ ХОЧУ

Хорошо жили Заяц с Зайчихой. И поесть у них было что, и попить родниковой воды хватало. Только вот детей у них не было.

Каждый день они приводили к себе чужих детей, обмывали их, причёсывали, приглаживали и угощали самым вкусным угощением.

Как-то пригласили в гости бабушку Рябчиху с её внучатами. Поглядела бабушка Рябчиха на Зайца с Зайчихой, как они любят да голубят чужих детей, и сказала:

— Будет у вас, Заяц и Зайчиха, сын, обязательно будет.

И правда, скоро у Зайца и Зайчихи народился Зайчонок Туйтсам — Снежок.

Родители обрадовались: мать от сыночка не отходит, ночи не спит, апу — люльку качает, колыбельные песни напевает.

Сынок растёт быстро — вот уже лесные звери ему ножки подарили, птицы, что с юга вернулись, на крыльях ему язык принес-

ли. Но вот беда: сыночек и не играет, и не ест, всё капризничает, ко всему, что увидит, лапки тянет да кричит:

— Нирам, нирам! Хочу, хочу-у-у!

Дадут ему то, что просит, он подержит, посмотрит и снова кричит:

— Ат нирам! Не хочу-у-у!

Мать без устали уговаривает сыночка, отец без отдыха по лесу носится, сочные листочки собирает. Придёт из леса с полной ношей, устанет, еле-еле на ногах держится и — к сыночку:

— Снежок, смотри, какие вкусные листочки щавеля я тебе принёс, попробуй.

Попробует Снежок листочки щавеля и закричит:

— Ат нирам! Не хочу-у-у!

Отец очистит от кожицы молодые стебельки дудника, подаст сыну:

— На-ко, сынок, это самые вкусные стебельки: их даже лоси наверхосытку едят, чтобы быть большими да сильными.

Зайчишка откусит, не разжуёт и не проглотит, а снова кричит:

— Не хочу-у-у!

Как-то отец и говорит:

— Ну, вот что, завтра все пойдём в лес. Ты, Снежок, погуляешь, поиграешь со зверями, поищешь по своему вкусу пищи и аппетитно поешь.

Пошли они в лес. Снежок не играет со зверятами и не ищет пищу себе, кричит:

— Не хочу гулять! Хочу домой, хочу-у-у!

Услышала его тётушка Лиса, неслышно к нему подошла, стоит, улыбается, своим хвостом поигрывает: то так его повернёт, то эдак, то с мордочки комариков смахнёт.

Увидел Снежок хвост тётушки Лисы и реветь перестал. Стоит смотрит на пышный хвост. Смотрел-смотрел, сорвался с места, к отцу с матерью побежал. Прибежал, посмотрел на их хвостики и сказал:

— Ай-е-хась, ой-ёо, папа с мамой у меня бесхвостные.

И, чтобы рассмотреть свой хвост, начал кружиться вокруг себя.

Кружился-кружился — не увидел своего хвоста.

Присел, потянул лапкой, нащупал свой хвостик-пуговку и заревел:

— Не хочу, не хочу такой хвостик! Хочу такой хвост, как у тётушки Лисы.

Уговаривают его отец с матерью, а он и слушать родителей не хочет, на весь лес кричит:

— Нирам! Нирам! Хочу-у-у! Хочу-у-у!

Тётушка Лиса подошла к нему и говорит:

— Ну, полно кричать, так и быть, подарю уж тебе свой старый хвост.

Принесла она свой старый, потрёпанный хвост и пришила к хвостику Зайчишки кедровым мятым корнем, легонько его шлёпнула, потом подтолкнула и сказала:

— Ну, побегай, похвастайся новым хвостом.

Снежок рванулся с места, побежал к отцу с матерью, обежал вокруг них, потом покрутился вокруг себя — поиграл хвостом и побежал с радостным криком в лес:

— Эй, звери-и-и, посмотрите, какой большой и красивый у меня хвост! Вы никогда не видали у зайцев таких хвостов!

А звери только смеялись над хвастуном.

Проголодался Зайчишка, схватил по пути щавелёчку. Вкусно. Дальше бежит, только хвост мелькает меж стволами деревьев. Увидал его зоркий Орёл в небе, снизился, схватил Снежка за хвост и понёс к себе на обед.

Зайчонок испугался и закричал:

— Ай-ее, ой-ёе, что это такое? Хвост, ты куда меня несёшь?

Бьёт лапками Зайчонок, крутится на хвосте. Трепыхался-трепыхался и упал на землю. Сидит, трёт ушибленные места и говорит:

— Нет, хоть и мал хвост, да мой. Большой хвост, да чужой.

КАК ОКУНЬ ПОЛОСАТЫМ СТАЛ

Хорошо Зайчонок бегал наперегонки. Очень ему хотелось и Выдрёнка этому научить.

«Пойду-ка, — думает, — научу бегать Коротконожку», — он так в шутку звал своего друга.

Прибежал к речке, где жил Выдрёнок, видит — лежит тот в воде у самого берега и медленно пошевеливает своим маленьким хвостиком, похожим на дождевого червяка.

— Ты что, Коротконожка, нежишься? Давай бегать наперегонки!

— Я устал. Лучше присядь ко мне да расскажи, с кем бегал и кого обогнал.

Зайчонок начал было хвастать, а Выдрёнок как закричит:

— Ой-е! Кто-то меня за хвост поймал! Аю-аю! Больно мне! Ой-е, тащит меня в реку кто-то!..

Видит Зайчонок, и впрямь Выдрёнок дальше и дальше от берега двигается. Поймал он друга за передние лапки, тянет его к себе и кричит:

— Соболята! Лисята! Бегите, помогите мне!

Прибежали соболята, лисята, ухватились за Зайчонка, помогают ему тянуть. Тянут, а Выдрёнок — ни с места. Тогда Зайчонок крикнул Утке:

— Утка, нырни, пожалуйста, в воду, узнай, кто поймал моего друга!

Утка крякнула своим утятам:

— Кря, прячьтесь скорее в камыши!

А сама нырнула в глубину.

Утята были послушными, с одного слова понимали свою мать: шлёп-шлёп по воде да и скрылись в камышах.

Утка вынырнула из воды и закрякала:

— Кря-кря! Это он, он, обжора! Он тогда моего утёнка за лапу поймал.

— Да что ты — всё «кря» да «кря», говори толком — кто поймал моего Коротконожку?

— Да кто же ещё, как не толстошкурый Окунь!

Тянут зверята Выдрёнка, кружит над ними Утка, бьёт крыльями и крякает:

— Вот так, так, тяните, тяните, не давайте Выдрёнка злому, горбатому Окуню.

Вот уже у Выдрёнка спина показалась из воды, а за ними голова Окуня. Крутит Окунь злыми жёлтыми глазами, тянет Выдрёнка к себе.

— Кря-кря! — кричит утка. — Вы посмотрите, ещё и не отпускает его хвостик. Вот разбойник! Вот ненасытный! Ну, сейчас мы его проучим! Дети мои, утята, берите по хворостинке и бегите, хлещите его. А я буду клевать в голову.

Хлещут утята Окуня, где ударят — там на его шкуре полоса остаётся. Утка его клюёт — сердится Окунь, краснеют его передние плавники от злости. Наконец выпустил он изо рта хвостик Выдрёнка и скрылся под водой. Чуть отплыл, высунул голову из воды и засмеялся:

— Ха-ха, а мне и не больно, совсем не больно. У меня шуба толстая. А ваш Выдрёнок пусть никогда больше не играет своим хвостиком, не дразнится. А будет — поймаю и утащу к себе.

Он метнулся высоко над водой, изогнулся, как радуга на небе, и ушёл в своё царство.

С тех давних пор Окунь стал полосатым, с красными передними плавниками.

КАЖДЫЙ ДРУГОМ СИЛЕН

Зайчонок с Выдрёнком друг без друга жить не могли. То Зайчонок бежит к Выдрёнку, то Выдрёнок — к Зайчонку.

Как-то прибежал Выдрёнок к Зайчонку и зовёт его купаться. Зайчонку стыдно признаться, что плавать не умеет, он и говорит:

— Я уже сегодня купался, три раза переплывал реку, до самого дна нырял.

— Ну, тогда пойдём с песчаной горки кататься.

— Туда мне мама запретила ходить. Там волки живут.

— Ну, пойдём полежим, погреемся на валежине, послушаем её сказки. Там совсем безопасно. Если подкрадутся к нам Лисица или Росомаха, мы с валежины — бульк в воду, и нет нас.

— Тебе хорошо, ты — бульк и ушёл под воду — а я как? Я и плавать-то не умею.

— Так ты только что хвастал, что реку три раза переплывал!

— Я пошутил, — сознался Зайчонок.

— Ну, пойдём на валежину, — настаивает Выдрёнок. — Там что-нибудь придумаем.

Подошли они к валежине. Смотрит Зайчонок, лежит она на самой быстрине реки и покачивается. Бегут струи воды через её вершину, путаются в её старых ветвях, журчат сердито:

— Ну, лежит колодой прямо на пути: ни проехать, ни пройти.

Только Зайчонок с Выдрёнком ступили на валежину, а с неё — бульк-бульк — мелькнули искорки маленьких глазок-бусинок. Зайчонок испуганно сжался и лапки с места сдвинуть не может.

— Ну, что ты? Иди, не бойся. Это мои братья и сёстры отдыхали на валежине, грелись на солнце, на зиму в себя солнечного тепла набирали. Увидели, что мы тоже хотим погреться, и ушли в воду.

Лёг Выдрёнок на валежину, вытянулся, прижался к ней, и цвет его шубы слился с цветом старой валежины.

— А ты, Зайчонок, ложись вон туда, где над валежиной свисают ветки черёмухи. Там тебя тоже не будет видно.

Только они улеглись, как из-за поворота реки показался рыбак. Плывёт он на своей долблёной лодочке и песни напевает:

Я на лодке своей по реке родной
Куда захочу, туда поплыву.
Рыбы наловлю, мяса добуду
И ягод нарву — детей накормлю.

Говорит Выдрёнок:

— Не бойся. Все выдры здесь отдыхают, и никогда их ни рыбаки, ни охотники не видят, проплывают мимо.

— А я не боюсь, — храбрится Зайчонок.

Рыбак плывёт возле вершины валежины. Скребут лодку старые, сухие ветки. Жалеет рыбак валежину:

— Надо же, куда ты, бедная, упала. И лежишь без пользы, только мешаешь.

Рассердилась валежина, ворохнулась, шевельнулась, качнула лодку рыбака, чуть не вывернула его из лодки и молвила:

— Я лежу на воде, а вода лежит на земле. А земле ни одна песчинка, ни одна былинка не лишние. На земле всё к месту, всё на месте и с великою пользою. Вот если бы я на себе не качала Коротконожек, где бы они отдыхали и грелись на солнце? Как бы они от людей и зверей спаслись на своих ногах?

Задумался рыбак и прошептал себе:

— Правду говорят старики наши, что дороги, где бы они ни лежали — на земле, на воде ли, — многому учат человека.

Проплыл рыбак, Выдрёнок вскочил на лапки и весело запел:

У рыбака глаза узеньки,
А мои круглые, как бусинки.
А я его вижу, а он меня — нет.
Я его вижу, а он меня — нет.

Успокоился Зайчонок, смотрит на валежину и спрашивает:

— Что ты, старая, всё дрожишь и качаешься?

— О, я когда-то тоже была молодая и красивая, стояла на высоком берегу, у всех на глазах. Солнце отдыхало в моих ветвях, птицы мне песни пели, река сказки волшебные рассказывала.

Но однажды Виткась — злой Дух Воды подгрыз мой берег, и я упала в воду. Долго я тогда плыла по реке. Налетел на меня ветер, разбежался, взбил воду в волны, разогнал их дикими, белыми оленями. Забросили меня волны на берег, а корни мои засыпали речным песком.

С тех пор я качаюсь-качаюсь — не накачаюсь. Рвусь-рвусь — не вырвусь. Плыву-плыву — не уплыву.

Убаюкала валежина зверят, они заслушались её сказок и не заметили, как вышла из кустов голодная, вся в клочьях, Лиса. Чует она зверят, а увидеть не может.

Заметил её Выдрёнок, сказал тихонько Зайчонку:

— Вон к валежине прибило пенёк, прыгай на него.

А сам скатился с валежины и скрылся под водой.

Прыгнул Зайчонок на пенёк, а Выдрёнок высунул лапки из воды и погнал толчками пенёк к противоположному берегу.

Лиса хлебнула от злости воздуху, затявкала:

— Тяв-тяв-ав-ав, как жаль, что сразу не рассмотрела я вас!

Ушла Лиса, повернул Выдрёнок пенёк к своему берегу. Зайчонок прыгнул на берег и убежал домой. Дома, запыхавшись, рассказывает маме:

— Ты знаешь, мама, чуть меня Лиса не съела. Спас меня мой друг Выдрёнок.

— Хороший у тебя друг. Спасибо ему.

— Что спасибо, за что спасибо, я тоже спас его от горбатого Окуня, — похвастал Зайчонок. — За что я тогда его спас?

А мать сыну сказала:

— Сынок, добро делаешь — не кайся, а худом — не похваляйся.

МАСНЭ И ЗАЙЧОНОК

На берегу речки стоял маленький-маленький домик. В нём жила бабушка Петось со своей внучкой Маснэ.

Маснэ дружила с Зайчонком. Каждое утро, только солнце осветит землю, обсушит росу, Зайчонок уже бежит к Маснэ. Прибежит он к домику и кричит:

— Маснэ, вставай, иди на берег, будем из песка строить чумы, лесовние избушки.

Маснэ ещё маленькая, хочется ей поспать, но услышит Зайчонка, встаёт и бежит к нему играть. Бабушка ворчит:

— Спала бы подольше, сидела бы потише, так нет, надо играть и последнее платьишко рвать. А я совсем ослепла: не то что сшить новое — даже старое залатать не могу. Хватит бездельничать.

И решила бабушка: «Надо учить Маснэ шить».

На другое утро бабушка говорит внучке:

— Маснэ, вставай, солнце осветило все углы нашей избушки. Сегодня будешь учиться шить.

Усадила она внучку, взяла узорный ватлан, сняла с него крышку, достала вышитую подушечку-игольницу, нитки и разноцветные лоскутки.

— Внученька, — говорит бабушка Петось, — прежде надо знать, что иголку в рот брать нельзя, в своё платье втыкать нельзя, на пол бросать тоже нельзя. Иголку надо на место прибирать — в подушечку-игольницу втыкать. Вначале надо остричь короткую нитку, нитке конец заострить, потом в ушко иголки вдеть, конец нитки в узелок завязать, только тогда можно шить. Посмотри, как я буду делать.

Но внучка слушала и не слушала бабушку. Все бабушкины слова ей в одно ухо влетали, а в другое вылетали. Она думала, как они с Зайчонком будут играть.

Бабушка собралась рыбу ловить и говорит:

— Маснэ, на тебе мой халат — залатай его. Я пошла.

Взяла Маснэ ватлан, бабушкин халат, уселась на крыльцо и принялась за работу. Оторвала нитку, не заострила её и начала вдевать в ушко иголки. Иголка завертелась, засмеялась:

— Ой-ой, что ты, Маснэ, делаешь, мне щекотно. Ой-ой, хи-хи-ха-ха!

Вертелась, вертелась и уколола палец Маснэ. Маснэ отдёрнула руку и выронила иголку. Иголка покатилась к реке, упала в воду и утонула.

Заплакала Маснэ горько. Жалко иголку, и палец болит.

Прибежал Зайчонок, скачет вокруг Маснэ, спрашивает:

— Что, Маснэ, плачешь?

Ничего Маснэ не отвечает, слезами уливается. Зайчонок присел у её ног и тоже завсхлипывал. Маснэ услышала, как плачет её друг, и спрашивает его сквозь слёзы:

— Миленький Зайчонок, ты-то отчего плачешь?

— Я плачу потому, что тебя жал-л-ко-о-о!

И Маснэ рассказала, что с ней приключилось. Зайчик погладил её и сказал:

— Это не беда. Сейчас я найду твою иголку.

Завернул он штанины выше колен, рукава выше локтей и забрёл в воду. Голову низко-низко над водой наклонил, даже носом воду бороздит, высматривает иголку — ничего не видно. Только мелькают перед глазами песчинки на дне речки, как звёздочки, — то загораются, то потухают.

Долго Зайчонок искал в воде и вдруг в зарослях увидел сразу несколько иголок торчком.

— О-о-о! — воскликнул он. — Целая игольница. Вместо одной иголки вон сколько я нашёл. Вот Маснэ будет рада!

Схватил он иголки и заревел:

— Ай-ее-е! Ой-ё-ё! Аю-аю! Больно, больно.

Подбежала к нему Маснэ, слетелись бабочки, прискакали лягушки. С кедра Бурундучок спрыгнул. Из воды высунул свою тёмную мордочку Выдрёнок. Все увидели, что вытащил Зайчонок на лапке огромного Ерша. Бросились они помочь Зайчонку стащить с Ерша пёстрый халат. А Ёрш надул щёки до белизны, замахал плавниками и сам вырвал свои острые колючки из лапки Зайчонка, шлёпнулся в воду.

— Аю-аю!

— Кэ-кэ! — крякнула старая Лягушка. — Высасывай скорее ершовый яд! После ершового укола костоед приключается.

Высосал Зайчонок ершовый яд из лапки, завязала Маснэ лапку листочками подорожника. Поблагодарил Зайчик Маснэ и снова принялся искать иголку.

Бродит Зайчик в воде, а над ним свищет, сердится Ветер:

— Что ты тут в воде бродишь, мешаешь мне?

Взмахнул Ветер крыльями, перекувырнул Зайчика в воде, а потом выбросил на берег. Зайчонок вскочил на ноги, заухал:

— Ух-ух-ух, ну и Ветрище, что со мной сделал.

Стряхивает Зайчик воду со своей серенькой шубки и слышит — шипит волна:

— Вшис-с-с! На, возьми свою иголку.

Оглянулся Зайчонок, увидел иголку на берегу, схватил её и закричал:

— Маснэ, эте-э-э! Вот она, твоя иголка!

Маснэ взяла свою иголку и, как учила бабушка, сразу её воткнула в узорную подушечку-игольницу. Потом остригла короткую нитку, пальцами пригладила её конец — заострила и без труда вдела в ушко иголки.

Обрадовалась и говорит ласково иголке:

— Ах ты, умница, миленькая трясогузка с длинным хвостом. Дай-ка, на конце твоего хвостика сделаем узелок и начнём зашивать бабушкин халат.

Маснэ шьёт быстро, а Зайчик помогает ей, придерживает, чтобы халат не скользил.

Только они управились с починкой, выглянул из воды Ёрш и говорит:

— Что же это вы со мною сделали? Вернулся я в своё Ершовое царство, а меня не то что соседи, а даже родные дети-ершата не узнали. Говорят: «Нет, это чужой отец. Наш был с тёмной спинкой и конопатинками по бокам, а этот весь цвета песка». И прогнали меня. Как я теперь без родных детей буду жить?

Плачет Ёрш, стекают его слёзы в реку, темнеет вода и прибавляется. Вот уже тесно стало ей в реке, она полезла на берег, где похаживал Зуёк-береговушка. Взглянул Зуёк на большую воду и подумал: «Видно, вернулась весна». С перепугу взмахнул он крылышками и запел звонко свою весеннюю песенку про талую воду:

Тял вить, тял вить!
Витя тял, витя тял!

А вода всё прибывает, заливает зелёные береговые травы, грозит затопить птичьи гнёзда.

Напугались Маснэ с Зайчиком, побежали к Ершу и попросили его:

— Ёрш, не плачь, пожалуйста, сейчас тебе сошьём новый халат с красивыми узорами.

Тут вернулась с рыбалки бабушка и показала, как шить. И вскоре халат был готов и надет на Ерша. Он посмотрел на своё отражение в воде, радостно заулыбался: очень ему понравился халат с ершовыми узорами.

Он сказал Маснэ и Зайчонку: «Спасибо!» — и ушёл в глубь реки.

Вода в реке посветлела и вошла в свои берега.

Бабушка посмотрела на иголку в игольнице и сказала:

— И мала, и хрупка, а сила в ней велика.

ЗАЙЧОНОК И КОМПОЛЭН

Подрос Зайчишка Хочу Не хочу и теперь без отца и матери гулял в лесу. Как-то возвращался домой и повстречал в лесу голодного Колонка. Колонок облизнулся, оскалил острые зубы, выпустил сильные когти и бросился на Зайчонка.

Зайчонок не оробел. Он прыгнул через Колонка и помчался. Бежал-бежал, чуть не наскочил на Лося.

— Ты что, малыш, носишься как угорелый? Чуть с ног меня не сбил, — пошутил Лось.

— Дядя Лось, спрячь меня! За мной гонится Колонок, — задыхаясь от бега, прошептал Зайчонок.

— Знаю, знаю я эту соболиную породу. Им бы только обижать добрых зверей, — ответил Лось. — Но ты, малыш, не бойся, Колонок сюда не придёт, он слыхал о моих рогах и копытах.

Посмотрел Зайчонок на красивые, сильные рога Лося, на его копыта и подумал: «Хорошо иметь такие крепкие копыта и сильные рога». Он печально вздохнул и спросил Лося:

— Дядя Лось, а ты никого не боишься?

— А кого мне бояться? Я никого не пугаю, никого не обижаю, и меня никто не трогает.

Опустил Зайчонок глаза и тихо сказал:

— Я бы тоже хотел никого не бояться, а всех боюсь. Это, наверное, потому, что нет у меня копыт на лапках и рогов на голове.

— Это ты, малыш, напрасно так говоришь. Тебе даны длинные, увёртливые ноги. Это совсем неплохо. — И добавил: — Земля и небо одним умом живут. Они знают, кому что дают.

— Я хочу, чтобы у меня были такие рога, как у тебя, дядя Лось.

— Зачем тебе такие рога?

— А я хочу, чтобы все меня боялись.

— Кого боятся, того не любят. От таких даже друзья уходят, — сказал Лось.

Подумал Зайчонок и сказал:

— Нет, я не хочу, чтобы от меня уходили друзья.

Добрые, мудрые слова Лося успокоили Зайчонка. Он сказал Лосю спасибо и побежал домой.

Но разговор Зайчонка с Лосем подслушал злой Болотный Дух Комполэн и решил посмеяться над малышом.

Комполэн обернулся Лосем и вышел навстречу Зайчонку:

— Малыш, я думал-думал и надумал подарить тебе свои прошлогодние рога. Пойдём в Маленький бор, там лежат мои рога.

Пришли они в бор. Комполэн сделал ногой ямку в земле, поставил над ямкой рога и сказал:

— Ну вот, ложись в ямку, прижмись головой к рогам и жди, пока они прирастут к твоей голове.

Ушёл Комполэн в тёмный лес и громко захохотал. Долго хохотал над глупым Зайчонком.

Зайчонок лежал-лежал, устал, есть захотел. Ну-ка думает, пошевелю головой, может, уже рога приросли. Только он пошевелил головой, рога упали и придавили уши Зайчонка. Он застонал от боли и начал, упираясь всем телом в землю, тянуть из-под рогов уши. А уши только растягиваются.

Измучился Зайчонок, потерял последние силы и заплакал.

Недалеко от того места, где лежал и плакал бедный обманутый Зайчонок, мама Мышь со своими детьми прогуливалась. Услышала она голос Зайчонка и пришла к нему.

— Ах, бедняжка! — сказала она и крикнула своим детям: — Дети, скорее залезайте под голову Зайчонка, выгребите землю из-под его ушей!

Мышата выгребли землю, углубили ямку, освободили ушки Зайчонка. А Зайчонок с тех пор хорошо запомнил Комполэна и не верил ему.

УМНЫЙ СОЙТЫН

Все знают, что Лисица хитростью кормится. Увидит за богатым завтраком Росомаху, подойдёт близко к ней, сладко пооблизывается, слюнки с голоду поглотает и скажет:

— Красавица, что это к тебе Медведь крадётся?

— Где ты, Лиса, Медведя видишь?

— Да он там, за большим обгорелым чёрным пнём.

Побежит Росомаха к чёрному пню, а Лисица ухватит хороший кусочек мяса и скроется, а после сытного завтрака лежит нежится на солнце.

Так всё лето у Лисицы дни идут: завтракает у Росомахи, обедает у Медведя, ужинает у Волка, а захочет свежей рыбки — сходит в гости к Выдре.

А зимой всем зверькам бывает и голодно, и холодно — трудно пищу найти. Зимою Лисице приходится мышковать, по многу времени пронюхивать снег, улавливать запахи мышей, потом ловить их.

Однажды выманила она из-под пня Сойтына — Мышонка и хотела его съесть. А Сойтын ей и говорит:

— Тётушка Лиса, я так хочу поиграть в прятки! Поиграй, пожалуйста, со мной.

Лисица подумала-подумала и надумала: «Однако, позабавлюсь Мышонком, поиграю с ним в прятки, а потом всё равно его съем. Разве может меня, такую умную да хитрую, перехитрить такой Мень Пель — маленькое ухо?»

— Ну, ладно, Мень Пель, поиграем. Давай говори свою считалку.

И Сойтын начал:

— Тебе камень, а мне пять. Тебе под язык, а мне на язык. Мне помнить, тебе забывать. Тебе, тебе, тётушка Лиса, искать меня!

Увидел Мышонок доброго Лося, что пасся рядом в осиннике, стремглав взобрался по его ноге ему на шею, а потом на самую высокую ветвь его рога и притих.

Ищет-ищет Лисица Мышонка и никак не может найти, сердится:

— Откликайся, Мень Пель!

А Мышонок пикнет и снова молчит. Лисица снова ищет и шепчет: «Мень Пель, Мень Пель, найду тебя и всё равно съем!»

Чует Лисица, что он где-то рядом. Вот она и спрашивает Лося:

— Лось, ты тут не видел мышонка?

— Нет, не видел.

— Лось, а в ухе у тебя не шумит?

— Нет, не чувствую. А что тебе до моего уха?

— Я думаю, что твоё ухо большое, а Мышонок так мал и лёгок, что ты его просто не чувствуешь. Может, наклонишь голову, я поищу Мышонка в твоём ухе?

Мышонок услышал слова Лисицы, испугался, а потом нашёл, что ему сделать.

Когда Лось наклонил голову, Мышонок с высокой ветви рога прямо к своей норке спрыгнул и юркнул туда.

Лисица увидела, как мелькнул хвостик Мышонка в норке, и бросилась за ним.

— Ты что, Сойтын-умный, запрятался?

— А я больше не хочу с тобой играть, ты не умеешь играть в прятки.

— Ах так! Я сейчас тебя задавлю. Соберу хворост со всего леса и сложу поверх твоей норки, и из тебя получится блин — вись нянь. Ладно уж, разрешаю тебе ещё поглядеть на белый свет. Давай выходи из норки, погляди, а то больше ты его не увидишь.

А Сойтын смеётся над Лисицей:

— Тётушка Лиса, не хитри, лучше заходи ко мне в гости. Только хорошо гляди, в серкан — ловушку не попади, я поставил его у самого входа.

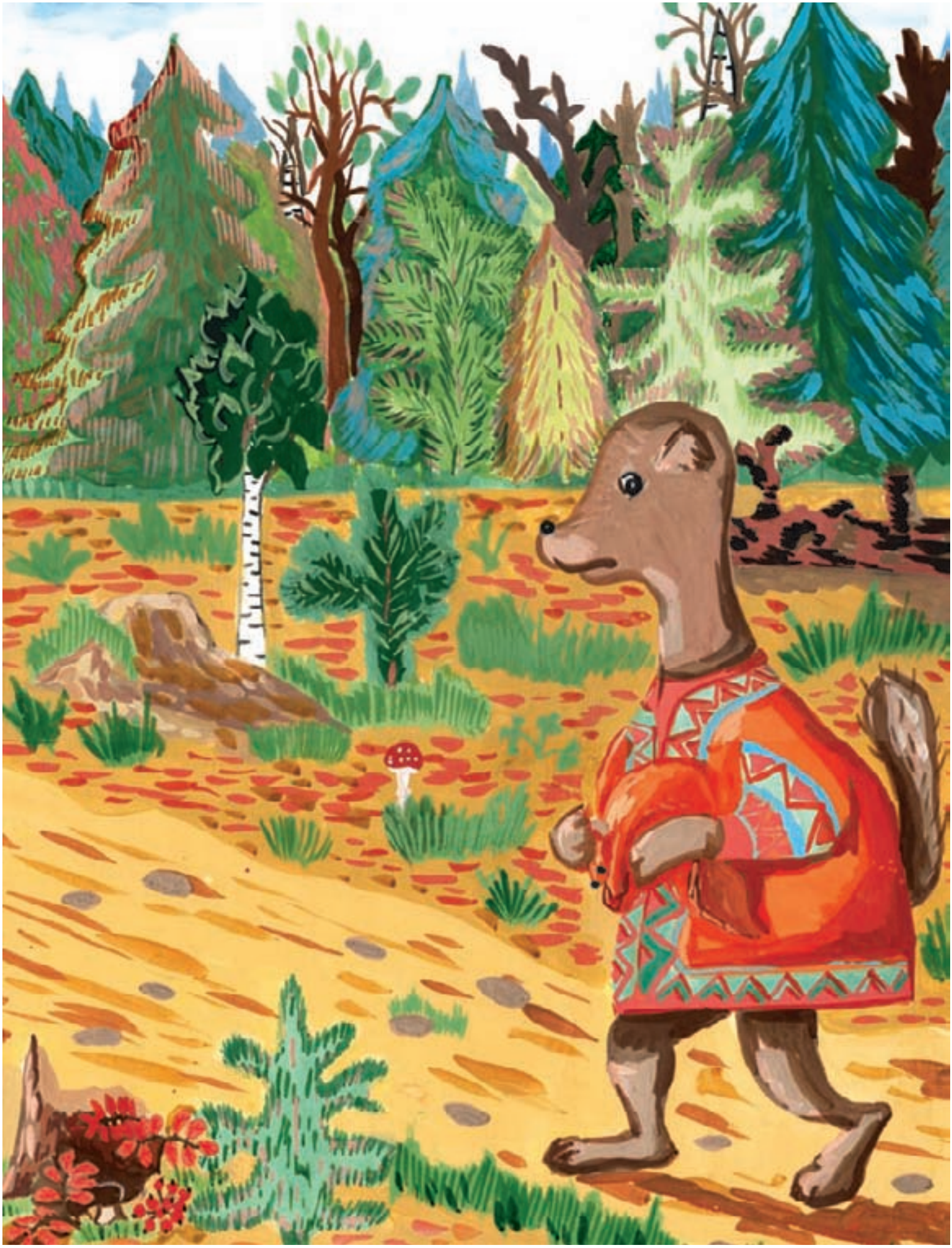
— Ах вот как ты, Мень Пель! Ну, берегись!

Лисица долго стаскивала хворост со всего леса и складывала его поверх норки Мышонка. Исколола свои лапки Лисица, помяла шубку. Устала, села на высокую кучу хвороста и заплакала:

— Глупый Мень Пель, не хотел, чтобы я тебя съела, теперь задохнёшься под хворостом.

Мудрый Лось от удивления хлопнул своими большими ушами, засмеялся:

— Выходит, рыжая, хитрость твоя не от большого ума. Разве хворостом Мышонка задавишь? Он давно уже через другой выход убежал.



СОРНИН КАНЯСЬ — ЗОЛОТОЙ КНЯЗЬ

Соболь был удачливым охотником: глаза зорки, слух острый, ноги быстры и тело гибко. И по верхам и верхушкам деревьев ходил, как по тропам земным. Такому бы лесовать да лесовать, себе пищу добывать, да обленился последнее время — так наедается, что на его тугом животе можно блоху убить. Так ожирел — из-под живота и ног своих не может видеть. Наденет шубу из дорогого меха, идёт медленно, переваливается из стороны в сторону. А мех на его шубе разными искрами загорается — золотом отсвечивает. Увидят его звери, тихо заговорят:

— Смотрите, смотрите, наш Сорнин Канясь — Золотой Князь гулять вышел.

Боятся звери Соболя, знают, что хоть сам он и мал, а злости в нём как у Комполэна — Болотного Духа. Знают: кто его не послушается — налетит острой стрелой, задрожит, закружится злой метелицей, разинет острозубую пасть, выпустит когти железные и начнёт когтями рвать, зубами кусать. Зарычит Медведем, закричит Филином:

— Бу-бу-буху, шубу спущу, на клочки изорву, по ветру пущу!!

Все большие и малые звери работали на него. Но больше всех терпел страхи от Соболя его двоюродный брат Колонок: день и ночь, ночь и день, с утра до вечера, с вечера до утра лесовал-охотился. Белку следил, куропатку ловил, рыбу промышлял.

Когда Соболь Колонка отправлял на охоту, строго наказывал:

— Братец, когда с охоты пойдёшь, песни пой, чтобы не есть, не жевать, рот не набивать. Я знаю, какой ты жадный, всё можешь съесть и мне не оставить.

Идёт с охоты Колонок, тяжёлую ношу несёт, а сам песню поёт:

Обегу я все увалы.
Обыщу я ветровалы —
Ухоронки моховые,
Белок, мышек кладовые.
Соболь, братец дальний мой,
Он тайги хозяин злой.
Чтобы с братцем жить в ладах,
День и ночь живу в бегах.
И сейчас бегу в лесу,
Пищу Соболю несу.

Устал Колонок: ноги гудят, плечи ноют, голос хрипит, а он всё поёт.

Придёт с добычей, а Соболь зажмёт нос пальцами и кричит:

— Ну-ну, иди прибери добычу да поскорее убирайся, а то от тебя густым потом пахнет. Весь воздух в моей спаленке испортил. Да иди добудь мне куропаток.

Заплачет Колонок и уйдёт в тёмную ночь искать в снегу сонных куропаток. Повстречает добрую, ласковую Вондр-Выдру, пожалуется ей:

— Братец Соболь выгоняет меня из своей спаленки, говорит, от меня потом пахнет. Я и сам знаю, что мне надо чаще мыться, чесать и проветривать шубу. А когда? Только вернусь с охоты, он опять отправляет лесовать-охотиться.

А у Соболя богатство копится и жир на сердце топится, покоя ему не даёт. То одного требует, то другого ему хочется. Все его желания звери исполняют. Думал-думал Соболь, чего бы ещё ему захотеть, да и надумал.

— Хочу, — сказал он, — жениться на самой красивой девушке. Отыщите и приведите её ко мне.

Бросились звери по всем лесам, по всем местам искать невесту. Кого ни приводили, от всех невест он отказывался. Ни одна ему из них не понравилась. Однажды прослышал он о стройной красавице Вондр-Выдре. Она тогда ещё не в воде жила, а на суше.

Красавица Вондр до блеска речным песком свою шубу начищала, мылась родниковой водой, гордилась собой, по себе жениха искала.

Привели её к Соболю, он медленно из спаленки вывалился, навстречу Вондр выкатился и говорит:

— Красавица Вондр, я на тебе хочу жениться, чтобы ты меня вкусно кормила, чисто мыла да с песней спать укладывала.

Выслушала Соболя Вондр, звонко засмеялась и начала над ним подшучивать:

— Посмотри, Золотой Князь, ни у халата, ни у платья моего карманов нет. Не принято мансийке карманы пришивать к платьям.

— Ну и что же, пусть их не будет. Мне нужна ты, а не твои карманы, — говорит жених.

— Это я к тому говорю — куда я тебя буду сажать, когда к костру пойду плясать?

— Что, у меня нет ног, а может, они слабы, что я до вечернего костра не дойду? — Он подошёл к Вондр, взял её за руку и потянул к своей спаленке. Вондр отдёрнула руку, повернулась и пошла к лесу.

— Звери, что смотрите? Держите её, ловите! — на весь лес закричал Соболь. — Да ко мне ведите!

Бросилась Вондр в кедровник — и они туда. Бросилась в ельник — и там её ловят, побежала к болоту — и тут ей спасенья нет. Побежала тогда Вондр к реке, увидела её Кулнэ — Женщина-Рыба из воды и начала звать:

— Беги ко мне, я укрою тебя.

Распустила Кулнэ над водой свои зелёные длинные волосы и скрыла под ними Выдру. Ушла Выдра в воду, там стала жить и теперь в воде живёт.

ЛОСЬ И ВЫДРЕНОК

Бабушка присела к костру и начала рассказывать:

На берёзовом плёсе, у светлой речки, жила Выдра со своим Выдрёнком. В речке они ловили рыбу, а обедали и отдыхали на плёсе.

Выдрёнок был ещё маленький и глупенький. Мама Выдра всё время за него боялась. Пойдёт, бывало, рыбу ловить и сыночка с собой берёт. Посадит его на берег и скажет:

— Сыночек, я сейчас пойду на дно речки рыбу ловить, а ты сиди на берегу, жди меня. Если захочешь купаться, булькайся у берега, а в глубокое место не ходи — утонешь.

Так они и жили, пока не подрос Выдрёнок. А когда подрос, стал думать:

— Что это я всё на берегу да на берегу сижу, а мама ходит на дно речки, ловит рыбу? Теперь сам буду ловить рыбу.

Вот как-то они пообедали, Выдра-мама и говорит:

— Сыночек, я что-то устала, прилягу, отдохну, а ты, пожалуйста, никуда не уходи.

А Выдрёнок думает:

— Пусть мама ляжет, а как уснёт, я сам пойду ловить рыбу. Проснётся — и перед ней уже свежая рыба. Она обрадуется и похвалит меня.

Он так и сделал. Только уснула мать, Выдрёнок — бульк в воду и поплыл искать рыбу. Плыл-плыл, видит — перед ним огромная зубастая щука. Он испугался, думает:

— Нет, не буду ловить эту рыбу, мне с такой большой не справиться.

И поплыл дальше. Плыл-плыл, увидел серебристых чебаков и думает:

— Эту рыбёшку тоже не буду ловить, она совсем маленькая.

И снова Выдрёнок поплыл. Плыл-плыл, сильно устал, нет у него сил держаться на воде, вот-вот утонет. Смотрит, куда бы залезть отдохнуть.

— Может, мне к берегу плыть? Нет, не хватит у меня сил. А может, до того берега добраться? Нет, он тоже далеко, не доберусь — утону.

И вдруг Выдрёнок увидел на воде пенёк, подплыл к нему и залез. Пока поудобнее усаживался вдруг что-то громко-громко хлопнуло над его головой. «Пенёк» повернулся, Выдрёнок слетел с него и погрузился в воду. Потом вынырнул, отфыркался и спрашивает:

— Ты, Пенёк, чем так громко хлопаешь и почему вертишься?

— Это совсем не пенёк, а моя голова, — кто-то басом сказал.

Выдрёнок даже испугался и зазаикался:

— А т-т-ты кто?

— Как — кто? Я лось.

— Дядя Лось, а где ты сам?

— Я в воде.

— А зачем ты себя в воде утопил?

— Как зачем? От жары и от комаров. Комары-то знаешь как больно кусаются.

— А чем ты, дядя Лось, так громко хлопаешь?

— Я хлопаю ушами.

— А зачем ты ими хлопаешь?

— Так ведь они у меня большие и их тоже едят комары, вот я и хлопаю, комаров сгоняю.

— Дядя Лось, а ты бы и уши в воде утопил...

— Нет, малыш, уши в воде топить нельзя. В них может вода попасть, тогда они слышать перестанут. Я ведь в густом лесу живу. Мне всё надо хорошо слышать, даже шелест с дерева падающей хвоинки.

— Дядя Лось, а что ты хвостом от комаров не отмахиваешься?

Лось погрустнел и не сразу ответил:

— Вся и беда, малыш, в том, что у нас, лосей, нет хвостов.

— Как, так уж совсем и нет?

— Есть, да совсем, совсем маленькие... Да ты, малыш, забирайся мне на шею, отдохни малость.

Выдрёнок забрался на гладкую шею Лося, уселся удобно, разглядывает у него уши и лоб: «А, вот почему я не смог усидеть на лбу Лося — нос-то у него горбатый».

— Дядя Лось, от ушиба, что ли, у тебя горбик остался на носу?

— Нет, не от ушиба. Мы, лоси, все немножко горбоносы.

Потом Выдрёнок увидел комаров на ушах Лося, смахнул их с ушей и сказал:

— Такие большие уши, каждое ухо почти с меня. Как же их есть комары не станут.

И снова с ушей смахнул комаров и нежно погладил их. Потом скатился с шеи Лося, поплыл посмотреть на его хвост. Увидел крошечный хвост и с жалостью сказал:

— У такого большого и такой маленький хвостик. Он намного меньше хвоста моей мамы.

Сказал так и сразу вспомнил маму. И заторопился:

— Ну, дядя Лось, до свидания! Я скорее пойду к маме.

— Подожди, малыш, влезай снова на мою шею, я тебя перевезу на ту сторону речки.

Лось плывёт, а Выдрёнок сидит на его шее и покачивается. Лось приплыл к берегу, склонил свою голову и сказал:

— Ну, малыш, слезай с меня и беги скорее к своей маме, да больше так далеко от мамы не уходи.

Выдрёнок помахал лапкой Лосю и быстро вдоль бережка поплыл домой.

После сказки я долго как будто видела Лося и Выдрёнка и слышала, о чём они разговаривали. Потом вспомнила, что выдры живут в воде, и спросила бабушку:

— Бабушка, а выдры тоже могут тонуть?

— Могут, могут и выдры тонуть. Они, как мы, без воздуха и земли жить не могут. Земля-то, милая, всем нужна.

ЖАДНАЯ ТЭРЯЙКА

Жили две мыши — муж и жена. Мужа звали Сипалайка, а жену — Тэряйка. Захотелось однажды Тэряйке к сестре в гости съездить. Но чтобы не заметил Филин, Сипалайка жене посоветовал чёрную лодочку взять да чёрное весло. И ещё попросил Тэряйку по пути его сестёр навестить.

Выслушала мужа Тэряйка, быстро-быстро побежала на берег, вскочила в лодочку, оттолкнулась женским резным веслом и поплыла. И вскоре звонко разнеслась её песенка по лесу, проникла в густые, колючие перховники, зашумела в непуганых травах:

Чёрная моя лодочка, таль-таль-таль.
Весло моё узорное, таль-таль-таль.

Налимом вьётся весло в её руках. Позванивают кольца-побрякушки на резном женском весле, вторят нежной песенке Тэряйки. Плыла, плыла Тэряйка, услышала Филина:

— Бу-бу-буху! Есть хочу!

Хочет есть Филин, слюнки глотает.

— Ты что, Филин, съесть меня хочешь? Я сама женщина ловкая: и в лодочке сижу, и быстро плыву.

Быстро плывёт мышка Тэряйка, перепархивает уточкой с волны на волну. Летит её песенка по борам сосновым, борам кедровым:

Лодочка моя долблёная, таль-таль-таль.
Весло моё узорное, таль-таль-таль.

И вдруг слышит она:

— Сноха, заезжай ко мне в гости!

— Заеду. А что делать?

— Мясо есть.

— Какое такое мясо у тебя?

— Мясо оленя, — ответила старшая сестра мужа.

— Нет уж, мясо оленя я есть не хочу. — И приподнялась в лодке. — Вот если бы сердце оленя, то заехала бы.

Услышала такое старшая сестра мужа, вздохнула и прошептала:

— Ай-е! Астюх! Мне холодно! Разве можно есть женщине сердце оленя. Ведь старые охотники-манси говорили, что сердце должны есть только охотники. — И тихо ответила снохе: — Нет оленьего сердца.

И поплыла Тэряйка дальше. И вновь услышала Филина голос:

— Бу-бу-буху! Есть хочу!

— Я тебя, Филин, и не слышу, и не вижу, быстро гребу, быстрее тебя лечу.

Так плыла-плыла и услышала нежный голос с берега. Это звала её младшая сестра мужа:

— Сноха, заезжай в гости!

— Заеду. А что делать?

— Да мясо есть.

— Какое такое мясо?

— Сердце оленя.

— Сердце оленя, говоришь? Заеду, заеду.

Едва Тэряйка приткнула лодочку к берегу — выскочила на тропу и побежала в дом. Вбежала и принялась есть сердце оленя. Ела-ела — наелась. Почистила язычком во рту, облизала себя от брюшка до ушка и снова принялась есть, вот-вот брюшко её треснет, вот-вот распадётся оно. А Тэряйка всё ест. Не хватило сил доесть, остался кусочек величиной с брусничку, она его схватила и побежала к лодке.

Бежит и всё на кусочек сердца поглядывает да облизывается. Не удержалась, присела и доела кусочек сердца. Тяжело стало. Хочет Тэряйка сесть в лодку, да не может, хочет взять весло в руки, да сил не хватает. Тут и заметил её Филин — бу-бу-бух-цап-царап. И не стало мышки.

ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО

ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО

ЛЕГЕНДА

Давно-давно, когда ещё олени с людьми не дружили, когда ханты и манси не ездили, не летали, а по лесам и болотам ходили, себе пищу добывали, а мудрые древние старики говаривали: «Не пойдёшь — не пожуёшь», «Не походишь — не поешь», в вершине речки Найдёной стояло стойбище древних манси. В стойбище у всех были дети, только одной семье духи не послали детей. Долго муж с женой просили духов, чтобы послали им дитя.

И вот, когда их жизнь шла к старости, как день к вечеру, у них родилась дочка. Стали думать родители, как назвать её.

— Выбрать бы имя такое, чтобы принесло оно ей счастье, — вслух размышляла мать. — Родилась она у нас в вечернюю зарю. Вечериною назвать, что ли? Однако вечер — пора отдыха,

сна, как бы наша дочь не выросла ленивой да сонливой.

— Не бойся, мать, — сказал отец. — Утро зарождается вечером. Назовём Вечериною, может, увидит дочь в жизни своей свет утренней зари с вечера.

— Ты, отец, в сказки ударился, — возразила мать.

— Сказки наши тоже вечером у ярких костров рождаются, — ответил отец. — А после сказок сны красивые снятся, в руках и ногах силы прибавляется, плечи становятся крепкими, спина меньше гнётся к земле. Пусть Вечерина будет для людей сказкой вечерней с горячим живым огнём в сердце, пусть согревает людские сердца своим теплом.

Мать согласилась. Взяла свою малютку и понесла к костру, чтобы показать её всем.

Старая мудрая женщина дольше всех смотрела на девочку, а потом сказала:

— Люди мои, эта девочка не похожа на тех детей, которых я видела. На её лице, как на небе, сходятся две зари — вечерняя и утренняя. Она нам всем принесёт много радости.

Люди, обрадованные словами мудрой женщины, оживились, стали петь и плясать вокруг костра. Только Комполэн — Болотный Дух рассердился, побежал по болотам и борам с диким криком и визгом. На деревья налетал — деревья ломались и со стоном валились мёртвыми на землю. Птицы напугались — разлетелись в разные стороны. Звери убежали в дальние урманы, рыбы на дно речки легли.

Всех распугал Кополэн — Болотный Дух: не выносил он, когда люди радовались.

Костёр погас — погасла и радость у людей. Тяжело стало жить. Ходили манси с утра до вечера по лесам и урманам, искали зверя, да мало находили. Уж Вечерина выросла, на охоту стала ходить, а охота всё ещё была бедной и неудачливой.

Как-то Вечерина возвращалась с охоты и наткнулась в лесу на маленького, слабенького оленёнка. Он лежал с вытянутыми ногами и откинутой головой, как сломанная веточка в засуху. Долго шла, сама очень устала. Тяжело было идти с живым грузом, но радостно. Идёт и шепчет:

— Живи, олешек, живи. Вот принесу домой — ухой отпою, и ты поправишься.

Уха заменила оленёнку молоко, он стал подниматься на ноги и есть сочную траву. А когда совсем окреп, Вечерина стала водить его на самые лучшие кормовые места. Пасёт целый день, а вечером разведёт дымокур, сядет сама на пенёк, а олешек уляжется у её ног. Вечерина поёт ему тихие колыбельные песни. Дымокур комаров отгоняет, ласковая песня сон навевает. Оленёнок глаза закрывает. А Вечерина гладит тёплой ладонью бугорочки у него на голове и поёт о том, чему научила её старшая мать — Земля, и о том, что младшая мать, качая её, напевала:

Баю-баюшки-баю,
Песню тихую пою.
Спи, олешек милый,
Набирайся силы.
Будут сильны ножки,
Отрастут и рожки,
Как сосны, ветвисты;
Как солнце, лучисты...
Опусти ресницы —
Сон тебе приснится,
Лесом к людям идёшь —
Солнце на рогах несёшь.
Пусть растут рога
Не от зла, а от добра.

Уж оленёнок крепко спал, а Вечерина всё пела и пела. Берёзки в полусне ей подпевали, золотистые сосны тихо подыгрывали. Только беспокойные осиновые листочки дрожали и тихо друг другу шептали:

— Ой, не услышал бы злой Дух Комполэн эти песни.

Подслушал их шёпот Филин и громко пробухал:

— Бу-бу-бу! Не бойтесь злодея: ласточки ему уши заткнули, землёй законопатили.

Спит олешек, спит земля, и облака давно легли на тёмные бока. Ветер задремал в лесу под деревьями. Только ветерочки над оленёнком, над Вечериной тихо летают — слушают песню. Потом взяли ветерочки в свои ладошки тихую песню да дым от дымокура и разнесли по лесам, раздали зверям.

И потянулись звери к дымокуру и Вечерине. Первыми пришли олени, за ними лоси. Медведь пришёл, нос свой к дымокуру повернул.

Много дней Вечерина у дымокура зверей принимала, от комаров их охраняла да песни им пела. Уж олешек окреп, повеселел, с оленятами да лосями бегал, резвился, бодался — свои силы пробовал.

Долго ли, коротко ли это тянулось, только то время прошло. Оленёнка корма выкормили, воды отпоили, дожди обмыли, снега отбелили, а ветры смелости научили. Стал он взрослым, сильным, красивым. В стаде не шёл, а белым чистым облаком плыл.

Теперь он не только сам вечерами к дымокуру приходил, но и многих друзей приводил. А Вечерина целыми днями сухие пни да грибы древесные собирала, много дымокуров раскладывала, тихой, сердечной песней всех убаюкивала.

Прошло лето, наступила осень, закружились белые комары-снежинки. Холодно стало на сердце у Вечерины. Думала: уйдут от неё друзья-олени — кому она станет колыбельные песни петь? Умный Белый Олень понял её, подошёл к ней, прикоснулся тёплыми губами к её рукам и щекам, словно молвил: «Мы с тобой будем, сестра моя, только позови».

Обрадовалась Вечерина, поблагодарила Белого Оленя, потом надела на него сбрую, расшитую узорами, украсила рога яркими лентами, села на лёгкие нарточки, взяла резной хорей в руки. Оттолкнулся Белый Олень от земли своими лёгкими, сильными ногами и взвился высоко-высоко в небо. И поплыл по поднебесью птицей парящей, легонько касаясь неба ветвями украшенных рогов — полосы в небе от оленьих рогов заколыхались. Протянула Вечерина руку, дотронулась до них — и ожили полосы, заискрились, вспыхнули ярким, живым разноцветьем северного сияния.

Переливчатое многоцветье красок объяло ледяную мансийскую землю, проникло в избушки сквозь маленькие оконца, затянутые матовыми лосиными пузырями вместо стёкол, осветило тёмные углы низеньких избушек, озарило радостью тоскующие по свету лица манси. Захлестнуло радостью их сердца и позвало под цветное небо, в трескучий мороз.

Выбежали манси на улицу, увидели под радужным небом Вечерину и её Белого Оленя. А те медленно плыли под полыхающими полосами, легко касаясь их, как струн древнего санквалтапа, рождая цветную музыку. Музыка половодьем разливалась по небу, скатывалась на землю и радовала манси.

С тех давних-давних пор в морозные ночи, когда загорается северное небо разноцветным сиянием, у манси наступает праздник: выходят они на улицу танцевать, с ними невидимо кружится и Вечерина.

СТАРШИЙ БРАТ

ЛЕГЕНДА

Это было низко и высоко, близко и далеко, на небе и на земле. В верхнем мире, в небесных летних избушках, жили-поживали Солнце и Луна. Брат и сестра. Брат с сестрой жили дружно. Без споров и лишних разговоров они поделили труд небесный. Солнце днём сияло. Луна — ночью. Солнце рано вставало, дочерей своих поднимало и на работу отправляло. А дочерей у Солнца было много, как забот — с утра до вечера не сосчитать. И все они походили одна на другую, и звали их одним именем — Лучик — Поссам. Если бы Солнце каждой имя выбирало да именины справляло, так и работать бы некогда было.

Слетят рано утром Лучики на землю, обогреют, приласкают птиц, зверей, леса, былинки и песчинки. Всем на земле будет радостно. Так они с утра до вечера трудятся. Утренняя заря их с неба опускает, а вечерняя на небо поднимает: поспать — силы набрать.

Луна же днём до блеска серебряные звёзды песком натирала, вечером по небу их рассыпала, светом зажигала — строго следила, чтобы звёзды куда не закатились, не пропали да ночные птицы их не склевали. Чтобы они ярче светили, показывали тропы к лесовним и рыбацким избушкам запоздавшим охотникам и рыбакам.

У Луны был сын, звали его Кота. Кота был ленив, совсем не помогал матери. Спал долго, поднимался поздно. Спит-спит, проснётся, схватит со стола кусок, проглотит его на ходу и запрыгает, запоёт:

Титтиров Кота,
Коттиров Кота.
Титтиров, Коттиров,
Коттиров, Титтиров.
Титтиров Кота,
Коттиров Кота.

Прыгает он по небу то на одной ноге, то на другой. Так прыгает-прыгает и продавит небо — сделает отверстие в нём. После сам не залатает его и матери ничего не скажет, убежит.

Вечером Луна не заметит отверстия, рассыплет звёзды по небу. Попадёт какая звезда в это отверстие — упадёт на землю и затеряется.

Луна пошла к брату Солнцу и попросила его:

— Брат, возьми Коту к себе, он меня совсем не слушает.

— Сестра, я тебе давно говорил, что дитя надо учить, пока оно поперёк лавки лежит, а вдоль ляжет — будет поздно.

Давно я замечаю, что у Коты ни на что нет желания. А без желания даётся легко только лежание. Ну да ладно, присылай его ко мне.

Но Кота не пошёл к дяде на обучение, убежал на небесную гору и стал с неё скатываться до самой земли. Свернётся клубочком и катится, только пыль серебром над ним кружится. Докатится до земли, ударится о твёрдую землю, полежит, встанет, потрёт ушибленное место и взберётся на небо, да снова катится, не понимает, что больно небу. Давно устало небо от его проказ и решило Коту наказать.

Как-то Кота скатился до земли и сильно, до звона в голове, ударился о пень. Лежал, стонал, не мог подняться. Небо того и ждало — прижалось своими краями к земле, точно прозрачный чуман опрокинулся.

С трудом Кота поднялся с земли, — туда пойдёт, сюда пойдёт — дверей на небо не найдёт. Бегал взад-вперёд, сердился, кричал, плакал, после побежал вокруг земли. Бежал-бежал — устал. Пошёл. Шёл-шёл — устал. На четвереньках пополз. За семь дней, семь ночей семь раз вокруг неба обошёл, но нигде ни лаза, ни небесных дверей не нашёл.

Мать Луна встревожилась, загоревала. За ленивое дитя сердце матери больше болит. Каждую ночь она серебряную лестницу с неба до земли спускала, но Кота не умел смотреть в небо — не увидел лестницу.

Вот так он и остался жить на земле. Плохо Коте стало: комары его кусают, хвоя колет, холод отнимает у него последнее тепло. Еду Кота привык со стола брать, а на земле ни ягод, ни грибов, ни вкусной травы он не видел, не находил. Совсем ослаб. Свернулся щенком под кустом, тихо плакал и вспоминал небесную жизнь.

Шёл мимо рыбак, увидел Коту, подобрал его и принёс в летнюю рыбацкую избушку. Долго Коту отпаивал ухой, а после стал кормить и рыбой.

Всё лето Кота прожил с ним, помогал вялить рыбу. Осенью поехал рыбак в зимние избушки, в стойбище, и Коту с собой взял. Собрались старые рыбаки и охотники и сказали:

— Ну, поведай, откуда ты взялся на нашей земле.

Мудрые манси выслушали рассказ Коты и молвили:

— Мы тоже когда-то были жителями неба. Ты будешь нашим небесным братом, оставайся с нами, помогай нам жить.

Так приняли Коту в большую дружную семью народа манси. Все уважали небесного брата Коту. Дети угощали его самой вкусной едой — сурвякой. Женщины почитали Коту, как древнего мудрого старика; появлялись перед ним только в платке[1], покрывающем голову и лицо, ступали мягко, разговаривали тихо. Охотники добывали оленей, лосей и всегда приглашали своего небесного брата поесть головы этих священных зверей.

Так продолжалось до тех пор, пока мудрые старики не покинули земную жизнь и не оставили Коту хранителем древних заветов. Остался он теперь самый старый в стойбище.

Манси рождались и умирали, а Кота всё жил и жил, может, столько лет жил, сколько хвоинок на огромной лиственнице. И чем старше становился, тем придирчивее спрашивал с молодых исполнения древних заветов, чаще сердился. Лицо его сделалось страшным, отросли и заострились ногти, тело покрылось шерстью, и стал он походить на грозного зверя — Медведя, дети в страхе с криком убегали от него, и сами взрослые манси уже сторонились своего старшего брата.

Однажды увидел он женщину вблизи шайтанского амбара, рассердился, закричал на неё, замахал руками.

В другой раз набросился с кулаками на охотника, который собирался на охоту и прощался с женой.

— Ты что, не знаешь, что нельзя встречаться с женщиной перед охотой? Звери убегут от тебя и птицы улетят!! Не будет тебе удачи на охоте! — С этими словами схватил он женщину, потащил в сторону.

Женщина в ужасе закричала. На крик сбежались все люди стойбища.

Тогда охотники взяли луки, стрелы и сказали Коте:

— Ты наш старший брат, но ты очень злой. Ты Вуйанщих — зверь-старик, свирепый Медведь, уходи от нас.

Натянули они для острастки луки, нацелили стрелы и прогнали его в самые глухие, тёмные урманы. Медведь так рассердился на охотников, что от злости длинной бурой шерстью покрылся. И вместо человеческих слов из его горла неслось рычание.

Но охотники уже не боялись его и говорили:

— Что нам бояться своего старшего брата? Ему дорога, а нам — другая.

С тех давних пор Медведь живёт в макол — земляном доме, ходит тайными тропами урманов, хоронясь от охотников.

---

[1] Женщины-манси носили большие платки с кистями, концы которых свободно опускали на грудь, чтобы при виде мужчины быстро закрыть лицо.

КОМПОЛЭН — БОЛОТНЫЙ ДУХ

Медведь наловил в реке тайменей, поел и принёс семь рыбин охотнику Касюму.

— Кушай, Касюм — младший брат! Свежая, сочная рыба!

Охотник Касюм принял рыбу, поблагодарил и вынес Медведю берестяной кузов-пайву малины.

— Кушай, Япум — старший брат! Наливайся жиром — тебе скоро в берлогу, под снег ложиться!

Поел Медведь малины, поломал рябины, сладкими корешками закусил, расчесал шерсть на загривке и собрался уже прилечь на зиму, как подкрался к нему Комполэн, обернулся лосем, разгрёб копытом мох и протрубил над ухом Медведя:

— Спать собрался, брат?!

— Да, пора! — потянулся, зевая, Медведь.

— И не боишься, брат?

— А чего мне бояться? — удивился Медведь. — Холода, что ли, мне бояться? Шерсть густая, под шерстью жира накопил, юрта моя тёплая и без горящего чувала. Мне, брат Лось, зимой зелёные сны снятся...

— Охотника Касюма не боишься? — ещё громче протрубил Лось. — Пока тебе сны зелёные снятся, он юрту твою разорит...

— Он — брат мой младший! — ответил Медведь.

— ...Или спалит твою юрту, — продолжает Лось. — Спалит, пока тебе сны из лета приходят.

— Младший брат не пойдёт на старшего! — сурово ответил Медведь. — Мы одного народа!

— А вот попомни меня, — раздул ноздри Лось-Комполэн. — Не подарили звери летом ни одной шкуры охотнику Касюму... Замёрзнет он зимой у костра в травяной одежде... Замёрзнет без тёплой шкуры и горячего мяса. Вспомнит, что у тебя шуба тёплая, и разденет тебя до голенького. Попомни!

— Не узнаю тебя, Рогатый! — рассердился Медведь. — Иди с глаз моих!

Прилёг Медведь в берлоге, голову на лапу положил — неудобно. С одного бока на другой повернулся — неудобно. Постель жёсткая, еловые лапы торчком — не уснуть. И только погрузился в сон, как гром раздался над головой. Вскочил Медведь, выглянул из своей юрты — то дятел ударил по сухой лиственнице. Вошёл в сон Медведь, но тут раздался тонкий-тонкий скрип, точно снег скрипит под лыжами.

— Что такое? — вскочил Медведь. — Неужто охотник Касюм крадётся?

Выглянул Медведь из юрты — две сухие ёлочки вершинками друг о дружку трутся и тоненько скрипят.

— Да что это... почему я спать не могу? — взмолился Медведь.

А Комполэн примчался к лесовней юрте охотника Касюма, увидел — сидит охотник в травяной одежде у костра, дрожит от холода. Обернулся бурундучком Комполэн и тоненьким голоском спрашивает:

— Холодно тебе, охотник Касюм?

— Ничего, — стуча зубами, отвечает охотник. — Ничего, пожарче раскину костёр — тепло в юрте станет...

— А где твоя зимняя шуба? — пискнул Бурундучок. — Нету? Потерял?

— Так получилось, — улыбается охотник. — Не было у братьев лишней шкурки... Ничего... Уху поедим, чаю попьём — согреемся!

— А у Медведя, старшего твоего брата, есть лишняя шуба. Видел я, как он на себя вторую шубу натягивал, — тихонько присвистнул Бурундучок.

— Если бы она была у него, то поделился бы со мной, — ответил охотник. — Он ведь мне тайменей ловил. Он добрый, мой старший брат, с кедра шишки мне сбивал. В гости ко мне приходил, сказки рассказывал.

— Да это он юрту твою смотрел, — закружился вокруг ног Бурундучок. — Ему в твоей юрте чувал понравился. Говорил мне: «Приходи в гости, вот я выгоню охотника из юрты. На огне стану кедровые шишки жарить».

— Пусть приходит, — ответил охотник. — Места у меня всем хватит.

— А Медведь говорил мне, — продолжает поскрипывать Бурундучок-Комполэн: — «Всё ел в тайге. Всё пробовал, а вот не знаю, какой на вкус охотник. В тёмную ночь приду и съем!»

— Почему сердит на меня старший брат? — воскликнул охотник. — Может, чем-то обидел нечаянно? Пойду попрошу у него прощения.

— Иди, иди! — закружился Бурундучок-Комполэн. — Только собак с собой возьми, острый нож да стрелы...

— Кто же в гости с ножом ходит? — удивился охотник, надевая лыжи.

— А вдруг на тропе злые духи? — ответил Комполэн. — Вдруг не пустят тебя к брату Медведю... Возьми, охотник, острый нож и стрелы.

— Ну ладно! — согласился охотник. — Зимой много в урмане злых духов.

Страшным ветром впереди охотника помчался Комполэн. Остановился перед юртой Медведя, надавил плечом на громадную сосну и опрокинул её на берлогу. В ужасе вскочил Медведь, ум его запутался во сне — ничего не понимает. Ещё одна сосна упала на медвежью юрту, сорвала крышу, и ударил Медведя в грудь ледяной ветер.

— Ай-ё! Астюх! — воскликнул Медведь. — Неужто младший брат Касюм мою юрту ломает? Наверное, шубу пришёл снять с меня в такой свирепый мороз? — Вылез Медведь из берлоги, притаился за дремучей елью, а потом прыгнул на охотника, сбил с ног и раскрыл горячую пасть.

— Правду Бурундучок говорил. Съесть меня захотел старший брат. — И ударил охотник ножом в грудь Медведя.

— Аю-аю! Больно... больно мне, — простонал Медведь, — зачем ты, охотник, с меня последнюю шкуру снимаешь? — И, зализывая рану, помчался в слепую ночь. Всю зиму бродил-шатался в урмане Медведь, как заяц, обгладывая кору, из-под снега добывая ягоду, отнимал у бурундуков орешки и чуть не умер с голода.

И охотник всю зиму просидел у очага-чувала: поломал ему ноги Медведь.

Навсегда поссорил охотника и Медведя Болотный Дух — Комполэн. Не спит зимою Медведь-шатун, ищет человека, чтобы отомстить за разрушенную юрту, а охотник, убив Медведя, просит у него прощения за то, что убил нечаянно.

ВОЖАК ИВЫР

ЛЕГЕНДА

В Евру манси пришли очень давно. Может, с тех пор прошло сотыр тал — тысяча лет, а может, и того больше.

Вот как это было.

Однажды зимой пришли к манси враги. Как пришли — собой всю землю накрыли. Как пустили стрелы — солнце и небо закрыли. Сильные манси, храбрые манси тоже много стрел навстречу вражеским пустили. Стрел в воздухе кружилось больше, чем комаров летом. Стрела в стрелу попадала, стрела стрелу побивала.

Маленький Паломей в ту пору впервые был на охоте — далеко угнался за лосем. Теперь, радостный, возвращался домой с добычей. Его тугой лук висел на левом плече, а справа, на поясе, из берестяного складника торчали острые стрелы.

За плечами, на лямках из кедровых корней, нёс Паломей берестяную напу с лосиным сердцем и лосиной головой. Сяду, думает, рядом со взрослыми охотниками и буду рассказывать им, как охотился. Отрежут ему мужчины верхушку лосиного варёного сердца, подадут и скажут: «Это нашему молодому охотнику Паломею».

Но когда он вернулся домой, кроме старого слепого Петотки, никого не нашёл.

Петотка сказал Паломею:

— Всех побили враги. Я один остался. Пойдём, сынок, к дальней лесовней юрте.

— Дедушка, я не знаю дорогу туда.

— Я тебе, Паломей, буду рассказывать. Сейчас нам надо идти к лосиной янге. Бывал там?

— Бывал.

Паломей взял дедушку за руку и повёл. Много ли, мало ли прошли, дедушка остановился и стал прислушиваться.

— Ты что, дедушка, может, устал?

— Нет, сынок, вон в том кедраче я слышу плач ребёнка.

Теперь и Паломей услышал. Он отпустил руку дедушки и побежал на плач. В тёмном кедровнике увидел пайву — берестяной кузов, он висел в густых ветках кедрача и чуть-чуть покачивался. Снял пайву. В ней лежал ребёнок, завёрнутый в заячьи шкурки. Принёс пайву к дедушке Петотке. Дедушка опустился на колени возле пайвы, стал ощупывать руками. Нащупав тёплый свёрток, заохал.

— Ай-е, Белый, Светлый День, бедная женщина знала, что не выживет, так бросила на родную землю малое своё зёрнышко.

Паломей надел пайву на спину, и пошли они дальше. Шли, садились отдохнуть, снова шли.

— Дедушка, теперь куда? Янга кончилась, дорога раздвоилась.

— Ты, сынок, за янгу веди меня, а та, другая, дорога к Карасьему озеру ведёт.

Дед шёл и думал: «Вот, Ёли Торум, подземный бог, почему не прогрыз из-под земли дыру и не взял, не проглотил в своё подземное царство всех врагов? А ты, Номи Торум, небесный бог, почему допустил, чтобы враги пришли на нашу землю?»

Потом услышал радостный крик Паломея:

— Дедушка, Апонька-Халь — Апонькина Берёзка! Я её сразу узнал!

Собака чуть остановилась и быстро побежала в сторону деревни с мёртвым щенком в зубах. Мальчик обернулся и стал звать её:

— Халь! Халь! Иди к нам. Зачем в деревню бежишь, там нет живых людей. Иди к нам, вернись, Халь!

Но Халь скрылась из виду.

Паломей всхлипнул.

— Хоть бы Халь с нами осталась.

— Ты, Паломей, не плачь. Это она от горя обезумела. Вернётся к нам.

В пайве заплакал ребёнок.

— Светлый, Белый День! Однако ребёнок будет сильным, когда вырастет. Слышишь, Паломей, как он громко плачет? Скорее бы нам прийти к юрте да накормить его.

Только присели отдохнуть, вернулась Халь. Паломей обрадовался, стал её гладить, ласкать, убирать налипшие комочки снега на животе. Низ живота у неё отвис, два ряда упругих сосков торчали в разные стороны, как зубья деревянных граблей. Дедушка тоже потянулся к собаке и наткнулся на тугие соски, ощупывал их, гладил, а из них медленно подавалась тёплая жидкость. Петотка подумал и заговорил вслух:

— Сынок, давай попробуем покормить малыша. Вынимай его из пайвы, дай обнюхать собаке.

Собака обнюхала свёрток из заячьих шкурок, потом Паломей обмыл её соски и приложил к ним ребёнка. Накормили малыша и пошли дальше. Шли долго, медленно, к лесовней юрте пришли поздно.

Вскипятили из снега чай с чагой и уснули.

Утром проснулись оттого, что кто-то наступил на спящего Паломея. Паломей открыл глаза и удивился:

— Дедушка, а малыш уже ходит, ноги-то, ноги-то какие крепкие! — Хотел назвать его, а имени не знает. — Дедушка, как малыша зовут?

— Да пока никак. Подумай, найди ему имя.

— Дедушка, назовём его Ивыром, так звали моего отца.

И стал Ивыр расти быстро. И скоро стал больше и сильнее Паломея.

Как-то утром старый Петотка вышел из лесовней юрты и учуял слабый запах дыма. Встревожился: «Однако, мой чувал ещё спит, я его не топил. Откуда взяться запаху дыма? Не враги ли опять жгут людей в каком-нибудь стойбище?» Сердце его сжалось, заныло. Он сразу подумал о своих малышах: «Что будет с Паломеем и Ивыром?»

Разбудил мальчиков, рассказал им. Паломей и Ивыр оба выскочили на улицу и тоже почувствовали слабый запах гари. Петотка приложил ухо к мёрзлой земле, чтобы узнать, не стонет ли матушка-земля от множества ног врага. Ничего не услышал. После долго её гладил, припадал к ней щекой.

Пока Паломей взбирался на высокий кедр, чтобы рассмотреть даль, Ивыр уже кричал с самого высокого дерева:

— Отец, я вижу далеко-далеко, ни дыма, ни людей нет.

Но с этого дня тревога не покидала их. А тут ещё потерялась Халь. Мальчики ходили по лесу, кричали, звали её — она не приходила. Куда могла деваться собака?

— Кто знает, — сказал дед. — Могла встретиться со зверем и погибнуть.

Потом Халь вернулась, но не одна, с ней пришёл пёс солнечного цвета. Обрадовались возвращению собаки.

— Ты, Паломей, видел в нашем стойбище такого пса? — спросил дед.

— Нет, — ответил Паломей. — Может, дедушка, он от добрых людей?

— А если от плохих людей — врагов наших? — спросил Ивыр как взрослый.

— Может, от добрых людей, может, от плохих, кто знает, — раздумывал Петотка.

Он велел привязать пса и найти лиственничную губу-гриб, принести, размочить в горячей воде и сделать человечка.

Ивыр сходил в лес, принёс губу-гриб и принялся за работу. Посмотрит на Петотку, на Паломея, помочит гриб, побьёт его тяжёлой палкой и опять режет.

Человечек получился мягкий, белый, гладенький. Потом из берёсты сшили складничок, положили человечка туда, привязали складничок за ошейник солнечного пса. Пса увели в лес и отпустили: может, приведёт доброго человека.

В эту же ночь пёс вернулся и привёл хозяина — охотника из другого стойбища. Охотник забрал Петотку с его детьми в своё стойбище. Хорошо и долго жили здесь манси.

Пришло время каслать, и Ивыр ушёл искать новое место. Долго ходил. Вернулся радостный. Старый вожак Вындыр выслушал рассказ Ивыра и сказал:

— Люди, я стал старый, слабый. Вам нужен молодой, сильный вожак. Я думаю, теперь вожаком будет Ивыр. Он нашёл новое место для нас. Там речки, богатые рыбой. В урманах много непуганых зверей. Но это место за большим, страшным болотом. Если пойдём, враги никогда больше не придут.

Манси во всём стойбище обрадовались, они знали Ивыра — смелого, ловкого охотника.

Зимой, когда речки и болота застыли, Ивыр откаслал со своим стойбищем к страшному болоту. Когда подошли, разожгли высокие костры, приготовили пищу. Старые женщины разошлись во все стороны, стали уговаривать Болотного Духа — Комполэна: окуривали его пихтовым дымом, угощали пищей, просили Комполэна пропустить их к бору, к речке с прозрачной водой. Пока женщины договаривались с Болотным Духом, остальные сидели тихо, боясь пошевелиться, и не прикасались к пище.

Утром пошли по болоту. Много прошли, но вдруг болото закачалось, поднялась над людьми грязная болотная вода ледяным

паром. А над ледяным паром поднялся до полнеба Комполэн. Одна его нога была — высокая лиственница, другая нога — с круглым конским копытом.

На его крик поднялись все болотные чудища — одноглазые и многоглазые, похожие на ощипанных ворон с длинными клювами, закричали, запрыгали, страшно захохотали, и все начали забрасывать людей влажным мхом и болотными кочками — не хотели пропускать в богатый урман. Всё перемешалось: ледяные брызги, мох, кочки и чудища. Не стало видно ни солнца, ни белого дня.

Люди уже силу потеряли — приготовились переходить в подземное царство. И только Ивыр продолжал бороться с болотными чудищами. Кулаки заболели — он вывернул берёзовую оглоблю из нарты, бил их оглоблей.

Чудища повалились в болотную пасть и заполнили её своими телами. Потом сам Комполэн набросился на Ивыра, а Ивыр изловчился, поймал его за деревянную ногу, выдернул её, забросил далеко в болото.

Закачался Комполэн на конской ноге и запрыгал на ней — искать свою деревянную ногу. Ивыр провёл людей через болото.

Скоро они пришли в бор. В темноте добыли огонь, разожгли костры. Обсушились, хорошо отдохнули и чуть свет снова пошли. Шли белыми борами. Деревья потрескивали от мороза, как будто вздрагивали, пугались людей. Снег вокруг был увит косами звериных следов. Собаки, почуяв запахи зверей, рвались с поводков — тянули своих хозяев-охотников по их следам.

Семь дней, семь ночей прошло. Манси пришли к речке со свежей, прозрачной, как слеза Номи Торума, водой. Зашли в лесовние юрты, сделанные Ивыром, и крепко уснули.

Назавтра охотники пошли на охоту. Вернулись с богатой добычей. Наварили лосиных голов, посадили на самое почётное место вожака Ивыра. Угощали его лосиными глазами, языками, рассказывали о богатых зверями урманах. Вожак слушал охотников, радовался со всеми. Потом закашлялся, повалился на снег и умер: устал, видно, очень бороться.

Долго жили манси в этих краях, богатых добычей. После смерти вожака Ивыра назвали они свою деревню Еврой — Ивыр Павыл, речку тоже Еврой — Ивыр Я.

Старый вожак Вындыр сказал людям стойбища:

— Место, где сидел Ивыр, — священное. Теперь на этом месте будет сидеть его душа.

И когда охотники варили лосиные головы, на столе, прямо у сиденья Ивыра, всегда стояла берестяная чашка, куда клали горячие лакомые куски мяса. И, рассказывая об удачной охоте, обращались к душе Ивыра. А молодым охотникам позволяли своими руками класть в чашку Ивыра глаз лося и верхушку горячего сердца.

После смерти Ивыра старый Петотка ослаб и стал собираться в подземное царство. Всё чаще он упрашивал Паломея вернуться на место старого стойбища.

— Ты, Паломей, выбери себе жену и вернись на место старого стойбища. Там души наших предков, их нельзя оставлять.

И ушёл Паломей.

Дорогу, по которой ушёл Паломей, до сих пор манси называют Палам Лёнх — Пелымская дорога. Место, где стал жить Паломей, стали называть Палам Павыл — деревня Пелым и речку Палам Я — речка Пелым.

Много воды убыло в речке Пелымке, много раз приходили морозные зимы с тех самых пор, когда вернулся Паломей к священным местам своих предков. Постепенно сюда пришли первые русские самоходы и опальные люди. Манси учились говорить на русском языке, а русские овладевали мансийской речью.

С тех пор завязалась дружба между людьми мансийского племени и русскими.

И деревня Пелым превратилась в город Пелым. Манси до сих пор называют его Палам Ус — город Паломея, а русские просто Пелым.

ПОССАМ — ЛУЧИК

Избушка одиноких стариков Япьима и Палкэй стояла под горкой, у Большой речки — Яный Я. Зимой и летом старики на речке ставили арпу, ловили рыбу.

Пришла весна. Залила Яный Я берега, ураи-старицы и ближние озёра, снесла арпы, поломала кямки-ловушки. Негде стало людям ловить рыбу, а рыбы нет — и есть нечего.

Снова надо каслать-кочевать на другое место, искать рыбу. Молодые и сильные мужчины со своими семьями ушли к дальним озёрам. Старики же не могли уйти. Теперь им совсем стало голодно. Япьим думал-думал, где бы что-нибудь найти поесть, и надумал:

— Старуха, схожу-ка я на брусничный бор, посмотрю, не осталось ли от осени в карусе-срубе брусники.

Взял он в одну руку посох, в другую — берестяной туесок-набирку и ушёл.

Подошёл к карусу, видит — на дне его с пригоршню брусники лежит, Яньим обрадовался, стал ладонями сметать ягоду да в туесок складывать. Сметал-сметал, почувствовал под ладонью что-то мягкое. Поднял, смотрит и удивляется: «Ишь ты, какая растеряха моя старуха. Верно, осенью, когда собирала бруснику, оставила здесь заячью лапку, а теперь и чувал ей подбелить нечем». Вернулся домой, туесок с ягодой на стол поставил, а лапку старухе в руки подал.

— На лапку, старуха, да больше не теряй её.

Старуха обиделась:

— Как — я потеряла? Лапка, что я держу, у чувала лежит. Сегодня я ею подбеливала чувал.

Смотрит старуха на принесённую лапку, гладит её и радуется:

— Ах, какая мягонькая, беленькая и тёпленькая!

Сняла она с полки берестяной, узорный ватланчик, где хранились разные лоскутки, положила туда лапку, закрыла крышкой и на полку поставила.

— Ну, садись, старик, за стол, будем урашницу хлебать.

Только взялись они за ложки, послышался звук, точно голос седьмой струны санквалтапа.

— Что это? — спрашивает старуха.

— Да, наверное, муха с лету ударилась о струну санквалтапа.

Снова они подняли ложки, и опять послышался звук. Старик посмотрел в крошечное окошечко на улицу и говорит:

— Это ветерок играет тонкой корой сосны.

— Да ты что, старик, звук от сосновой коры тоненький, как паутинка, а этот звук походит на звук тумрана и... — не договорила старуха: упал с полки тот узорный ватланчик, куда она положила заячью лапку. Крышка с него слетела, а ватланчик прикатился к ногам старухи и остановился. Из ватланчика маленькая девочка, не больше рукавички, потянула ручки к старухе:

— Бабушка, возьми меня, я тоже урашницу есть хочу.

Старуха от неожиданности выронила ложку.

Взяла из ватланчика девочку в белом халатике из заячьей шкурки, легонько прижала к груди и запричитала:

— Ах ты, лебяжий пушок! Ах ты, ядрышко из кедрового орешка! Сейчас, сейчас покормлю тебя, моя крошка!

Кормит малютку, а сама думает: «Это, наверное, Ворнэ — Лесная Дева подарила нам на старость внучку». Накормила внучку, понянчила её и начала укладывать с песенкой:

Укладу я милую внучку
У своего изголовья
На мягкую подушку...
Пусть ей будет тепло и сухо.
Пусть не спит моё ухо,
Чтобы злой, коварный колонок
Утащить её не смог.

Поёт бабушка и видит: малютка светится. Точно лучик солнца струится, освещает тёмные углы избушки и нежным теплом входит-вливается в её сердце.

— Старик, внучка-то наша светится, как Поссам — Лучик.

Лучик росла быстро, как день сменяется ночью, ночь — днём. Выросла послушной, работящей и смелой. Сходит в лес — ягод соберёт, домой пойдёт — разных трав захватит. Дома из трав похлёбку сварит, деда с бабой накормит, другим старикам отнесёт, да и сама поест.

Как-то пошла Лучик собирать землянику. Ходила-ходила — пить захотела. Устала, села на валежину и говорит:

— Ох, как пить хочется, даже язык мой сухим стал, как урак.

Смотрит на ягоды в туеске, а они так и просятся ей в рот, вот-вот начнут прыгать. Она испугалась, отставила туесок в сторону и ветками прикрыла.

— Нет-нет, как можно съесть ягоды. Что дедушке с бабушкой принесу?

Опустила она глаза — видит: возле ног бугорок земли растёт, точно снизу кто-то буравчиком буравит. Показался из бугорка крот. Высунул голову и спрашивает:

— Кто тут есть?

— Добрый крот, ты, наверное, плохо видишь? — спрашивает Лучик.

— Я ведь живу под землёй, в темноте, зачем мне глаза во лбу? У меня глаза в лапках.

«Чудной Крот, — думает Лучик. — Вишь, глаза у него со лба переместились в лапки...»

— Как ты сюда, девочка, попала?

— Не могу разговаривать: пить очень хочу, язык у меня совсем присох к зубам.

— Ах, бедняжка! Ну, жди, я сейчас принесу воды, — сказал Крот и скрылся в своей норке, а когда вернулся, принёс в золотой чашечке холодной вкусной воды.

Девочка жадно выпила воду. Поблагодарила и только потом рассмотрела чудную, невиданную чашечку.

— Где же ты взял такую красоту?

— Там, в княжеском доме.

— В каком?

— Да в княжеском. Здесь подо мной Канясь Ус — Княжеский город. Он когда-то стоял на земле, а Комполэн — Злой Болотный Дух спустил его под землю вместе с Княжеским озером. А в озере плавают золоточешуйчатые караси. И озеро то весенней водой не заливается.

— Вот было бы хорошо вернуть его на землю, чтобы манси весной могли ловить карасей и не уходили из стойбища на поиски незаливных озёр.

— А что, пойдём уговорим озеро вернуться к солнцу.

Пошла Лучик за Кротом, а ходы его сырые, тесные, тёмные. Хорошо, что Лучик сама светилась — освещала ходы Крота. Тяжело Лучику, душно, просит она Крота остановиться — отдохнуть.

— Нельзя останавливаться, иначе ты превратишься в княжескую дочь и навсегда останешься в подземном городе.

— Да-да, дедушка с бабушкой тоже учили не останавливаться на половине дела, — согласилась девочка.

Семь дней, семь ночей шла Лучик за Кротом. Пришли они к озеру, пали на колени и начали уговаривать озеро вернуться. А оно:

— Мне и под землёй хорошо лежать.

А караси забили по воде своими широкими хвостами, заплакали, запричитали:

— Озеро, ты наша мать, мы твои дети, но если ты не пойдёшь к солнцу, тогда мы уйдём.

Озеро заволновалось, заморщилось, забилось тяжёлыми волнами. Ударились волны о крутые берега, зашипели песком да гальками.

Шепчет Крот Лучику:

— Пусть поволнуется — скоро успокоится.

Успокоилось озеро, аккуратно подобрало свои озёрные подолы, чтобы не растерять карасей, и пошло за Кротом и Лучиком.

Вышли они на землю, Крот остался, а Лучик дальше пошла с озером — выбирать место подальше от большой речки. Запарилось Княжеское озеро голубой дымкой, приподнялось, а потом упало, разлилось круглой чашей на земле.

С тех давних пор кондинские манси не стали переезжать от одного озера к другому. Живут на месте да девочку Пассам — Лучик вспоминают. Песни, сказки о ней складывают.

СЫНОК С ОЛЕНЬЕ УШКО

Семь дней и семь ночей не спал, не ел — гнался за соболем охотник Перко. Соболь бежал в густые перховники — Перко за ним шёл. Соболь затаивался за болотными кочками — Перко и тут выслеживал его. Соболь уходил в многолетний кедровник — Перко тоже за ним. На восьмой день след привёл охотника Перку в дремучий, непроходимый урман, где во все века жил Вор-Хум — Леший со своей Лешачихой. Смотрит Перко-охотник: весь снег покрыт звериными тропами. Поднимет голову — везде на деревьях видны гнёзда: посмотрит под деревья — всюду выходы и входы в норы и норки. Обрадовался Перко, решил костёр развести да вскипятить чай. Спустился к речке, пробил во льду лунку, чтобы набрать воды, а в лунке рыбы густо, как в котле. И решил Перко тут устроить своё кочевье.

На крутом берегу речушки Них Я — Черёмуховой речки — срубил Перко-охотник лиственничную избушку — вор-кял и поселился в ней с сестрой Пеклой. Прозрачная, вкусная вода Них Я, с привкусом смородины и брусники, Пекле тоже понравилась.

Ловкий, смелый Перко как свою ладонь узнал урман и повадки зверей. Всегда Перко возвращался к очагу-чувалу с богатой добычей.

Вор-Хум сердился. Сердце у него чернело от зависти, что Перко много добывает разных зверей.

— Я — хозяин! Один хочу зверовать! Прогоню из своего урмана Перку. А захочу — пущу на Перку чёрный огонь. Захочу — превращу его в пустой чёрный пень!

С тех пор изо дня в день принялся Леший изводить Перку-охотника, выживать из урмана.

Однажды возвращался Перко с богатой добычей. На лёгких санках-нартах по узкой тропе тащил за собой охотник сохатого. Увидел его Вор-Хум, и выросла посреди тропы огромная ель — не обойти. Остановился под елью Перко, а Вор-Хум обернулся плотной кухтой — снегом-инеем и тяжёлым сугробом обрушился на охотника, засыпал его с головой.

Долго выбирался из-под снега Перко, а Вор-Хум превратился в большую Чёрную Птицу с Железным Клювом — Керняльп Люль-Вуй. Взмахнула огромными крыльями злая птица, присела на лосиную тушу, железным клювом и когтями разодрала мясо, проглотила, а кости раскидала по лесу.

— Ай-е! Астюх! — воскликнул Перко-охотник. — Да что это, точно холодной водой меня кто-то облил и руки мне застудил. И я не успел стрелу пустить в Чёрную Птицу с Железным Клювом.

Вернулся Перко с пустой нартой.

В другой раз возвращался Перко с добычей. Увидел его Вор-Хум, превратился в Выскоря — вывернутый пень и забрался под нарту. Ожили длинные корни, превратились в корявые пальцы-крючки; бороздит, цепляется Выскорь за каждую снежинку, за сугроб, за каждый сучок и скрытый пенёк хватается Выскорь.

Перко тянет на себя нарту, а нарта ни с места, словно пристыла к снегу. Маялся-маялся Перко, совсем силы потерял.

— Ай-е! Да что же это?! — подумал вслух Перко. — Дай-ка переверну нарту вверх полозьями. Мороз крепкий, а снег липнет, с места нарту не стащишь!

Перевернул Перко нарту и принялся изо всех сил бить палкой по полозьям. Три раза... пять... потом ещё семь раз ударил и услышал страшный крик:

— Аю-аю! Ой, больно, больно мне.

Потом увидел Перко, как из-под нарты вывернулся Выскорь-Люльив, со стоном пополз в сторону и быстро-быстро, на глазах, зарылся в глубокий снег. Перко бросился за Выскорем, да не отыскал, а из-под снега слышалось, как Вор-Хум — Леший тоненько поскуливает:

— О, больно мне!

— Белые Светы! — удивился Перко. — Не иначе, как Леший в тот Выскорь обернулся. Пусть ещё раз в кого обернётся, сразу поймаю.

— Не справиться мне с Перкой! — пожаловался Вор-Хум.

Подумала Лешачиха и говорит:

— Перко-охотник целыми днями пропадает на охоте. Сестра его, красавица Пекла, остаётся дома одна. В одиночестве всегда приходят страшные мысли. Надо замутить ум Пеклы.

— Как замутить ум Пеклы? — не понял Вор-Хум.

— Ты разве не знаешь древних законов манси, Вор-Хум? Разве ты не знаешь, сколько древних запретов у женщин-манси? Надо направить мысли Пеклы на запретное. Раз нарушит запрет, два нарушит, а на третий раз Перко её выгонит и сам уйдёт.

А Пекла часто оставалась одна. Переделает все дела, присядет у огня и думает: «Тяжело мне одной из леса дрова носить, воду из Нихьи таскать, глину доставать и чувал поправлять. Трудно пушнину выделывать, кожи мять и одежды шить, мясо сушить, рыбу вялить». Задумается Пекла и незаметно для себя запоёт:

Был бы сын у меня —
В платок бы его завернула,
К груди прижала,

Ручонки согрела,
Вкусную сурвяку
Из муки, рыбьего жира и брусники
Ему бы сварила,
Спать бы его положила
И песней своей бы накрыла...

Вор-Хум тут и принялся ум Пеклы мутить. Возле избы Перки высоко над землёй, на четырёх срубленных соснах, стоял священный шайтанский амбар, где на полках покоились Акынь — идолы, божки, что приносят счастье и удачу на охоте. На стенах амбара висели жертвенные нагрудники, украшенные бисером, золотыми и серебряными пряжками, огромные цветные шали с длинными кистями, с крошечными шеркунцами-колокольчиками на концах кистей. Под страхом смерти древние законы запрещали женщине ходить в священный амбар и трогать жертвенные вещи.

Со всех четырёх сторон несётся шёпот:

— Иди, иди, Пекла, в шайтанский амбар, примерь, примерь, Пекла, жертвенные халаты, шали и нагрудники...

— Ой, кто это мутит мой ум? — испугалась Пекла, бросилась к двери, закрыла на запор, а голос всё настаивает, зовёт её в амбар.

Громко запела Пекла песню, заплясала, притопывая звонко, чтобы заглушить, отогнать страшные думы.

На другой день снова услышала шёпот:

— Пекла, свари оленью голову, попробуй хоть раз запретное.

Не помнит Пекла, как сварила оленью голову, достала её, поставила чашку с головой на стол и принялась есть. Дверь заскрипела, и послышался противный голос:

— Ай-е-е, Пекла! Одна ты ешь! Почему? Отчего ты меня не приглашаешь?

— Если пришёл — садись за стол! — ответила Пекла.

Повернулась она к двери и увидела на пороге своей избы маленького сморщенного Старика Длиной с Зайца — Анщих Сисьва Пялт. Он уже переступил на седьмую половицу, а уши его ещё на пороге. Старик Длиной с Зайца сел за стол, притянул свои уши к себе и кинул их на лавку. Пекла перестала жевать.

— Астюх! Холодно мне! — прошептала она. — Что это за нечистый дух?

А Старик Длиною с Зайца схватил оленью голову и впился в неё острыми зубами. Губа верхняя у Старика разошлась надвое, одна потянулась к левому уху, другая — подпрыгнула к правому. Вместе с костями проглотил голову, облизнулся и отёр губы и руки длинными ушами. Встал из-за стола, тряхнул ушами так, что снег с крыши осыпался, взял с полки санквалтап — семиструнный лебедь и заиграл. Запели весенними птицами струны, закружилась голова у Пеклы, ноги сами понесли девушку в пляс.

О, как плясала Пекла! Как бабочка над нежными цветами, как комарик перед дождём. Плясала, плясала. Упала Пекла.

Проснулась утром — ничего не помнит. Хочет руку поднять — тяжела, как камень. Хочет встать — не может, тяжелы ноги, словно вросли корнями в землю. День лежит — не шелохнётся, два лежит — не шевельнётся. Хочет пить — до воды не дотянуться. Заплакала Пекла:

— Торум Вайлын, ты видишь меня, Свет Небесный? Ты видишь меня, Белый, Светлый День! Ай-е! Великий Шайтан! Почему ты не дашь мне сына, Великое Небо?! Ты видишь, некому воды подать.

Но Великое Небо молчало.

Поднялась Пекла, пошла в лес и принялась собирать хворост. Принесла вязанку и бросила её у чувала. Мёрзло ударился и хрустнул хворост, рассыпался, и услышала Пекла голосок:

— Ой, больно! Почему, мама, ты меня ушибла?

Испугалась Пекла, задрожала.

— Сюкум-мама, согрей меня.

К хворосту низко наклонилась Пекла и увидела на сухой ветке зелёную-зелёную почку. Осторожно взяла её в ладони Пекла, задышала тепло и прижала к груди. Почка развернулась, и Пекла увидела мальчика с оленье ушко.

— Сыночек мой! Ты совсем крохотный — с оленье ушко.

Завернула Пекла сына Ондрэ в яркий, как ягодник, платок, разожгла огонь, приготовила самое лучшее лакомство — сурвяку. Накормила Ондрэ, убаюкала и за чувал спать уложила.

Вернулся с охоты Перко и не узнал сестру.

— Исюм, младшая сестра моя! Что с тобой? Весела, красива, словно весенний цветок!..

— Нет, Перко! Я такая как всегда.

А Сынок с Оленье Ушко рос день ото дня, вырастал на глазах и наполнял силой и здоровьем Пеклу.

И вновь принялся Вор-Хум туманить ум Пеклы, опять подговорил Старика Длиною с Зайца погубить её.

Сварила Пекла оленью голову, стала есть её, и задрожала земля, и снова появился Старик Длиною с Зайца, вырвал из рук Пеклы голову и проглотил с костями. Но не успел он заиграть на санквалтапе, выскочил из-за чувала Ондрэ — Сынок с Оленье Ушко, схватил стрелы и натянул боевой лук Перко. Пронзила насквозь стрела Старика Длиною с Зайца. Взял его Ондрэ за длинные уши и далеко забросил в урман, чуть не зашиб Вор-Хума. Обрадовалась Пекла — растёт защитник. Обняла она Ондрэ и сказала:

— Принёс ты мне радость, сынок. Только боюсь я: вернётся с охоты дядя твой — Перко — и рассердится. Не велит мне закон иметь сына. Вдруг рассердится Перко и уведёт тебя в лес? Как он вернётся, ты сиди тихонько за чувалом и не показывайся.

Вернулся Перко с охоты, сидит за столом, а Пекла суетится, прячет глаза, просит прощения:

— Брат мой, прости, не сумела наловить крупной рыбы, поешь сегодня мелкую. А завтра добуду... — не успела договорить, как за дверью услышала голос Ондрэ:

— Мама... мама, открой двери. Спускался я в прорубь, и смотри, рогатую щуку поймал!

Испугалась Пекла, выбежала на улицу, выхватила из рук сына огромную рогатую щуку, что приносит в дом голод и тяжёлые болезни. Пекла далеко забросила рыбину, завернула Ондрэ в свою шубу и незаметно пронесла за чувал.

— Исюм, младшая сестра моя! — Перко сделал вид, что ничего не слышал, ничего не видел. — Кто это постучал в нашу дверь?

— То ветер играет, прилетел, постучал и улетел, — ответила Пекла. — Ложись спать, брат, я сон твой поберегу.

Улыбнулся Перко и заснул.

...Растёт Ондрэ быстро, скоро не уместится за чувалом. А Пекла не знает, как ей быть: что брат решит, когда увидит Ондрэ?

Усталый вернулся Перко, бросил в угол связку беличьих шкурок.

— Как охота, брат? — закружилась вокруг него Пекла. — Садись, раздену, разую тебя.

Посадила брата за стол, а лучину не зажгла, жарник не засветила. Удивился Перко:

— Ты почему, сестра, огонь не добыла?

— Берёзовый лучины не нащепала, а сосновая чадит шибко.

Не успел Перко ответить, как в дверь постучали и голос раздался:

— Мама, мама!.. Открой дверь, я берёзовое полено принёс тебе на лучину!

Испугалась Пекла, выбежала за дверь, хотела вырвать из рук Ондрэ полено, да не смогла. В темноте затолкнула мать сына за чувал.

Усмехнулся Перко-охотник.

— Сестра,— обратился к ней Перко,— зажигай сосновую лучину, пускай чадит. Мне бродни нужно латать — прохудились.

Взмолилась Пекла:

— О, Белый, Светлый День, когда же ты наступишь? Что за нужда при лучине бродни чинить? Что за нужда тебе глаза слезить? Наступит утро — в светлости и залатаешь.

Настежь распахнулась дверь. Вбежал в избу Ондрэ, засунул руку за пазуху, яркую звезду достал и положил на стол. Тесно свету в избе охотника, Перко и Пекла глаза ладонями закрыли.

— Сынок Ондрэ! Накинь платок на этот яркий свет, а то выжжет он в глазах свет дневной!

— Дядя мой, Перко, мать моя, откройте глаза, к свету быстрее привыкаешь, чем к тьме.

Открыл глаза Перко, засмеялся свободно и радостно:

— Исюм, сестра моя, мы станем жить совсем по-иному, чем жили наши предки. Сын твой, Пекла, мой племянник, пусть станет и моим сыном. И Ондрэ будет жить иначе, если он с малых лет не к костру жмётся, а звёзды достаёт с небес.

— Ты научи его всему, что должен знать и уметь мужчина,— попросила Пекла.

— Да! — ответил Перко. — Он станет Великим Охотником.

И Перко-охотник научил Ондрэ делать лыжи-снегоступы, оперять острые стрелы, туго натягивать тетиву верного лука, раскрывать потаённость звериного следа, великую мудрость леса.

Вырос Ондрэ, каждый день проводил в лесу. Слышал, как просыпается лес, как гудят соки в стволах кедров, как медленно нарастают кольца, словно из сердцевины разбегаются волны. Соболя и белку он не сбивал стрелой, а снимал рукой с дерева. А лося он валил, схватив за рога, и на бегу догонял волков.

Вор-Хум и Лешачиха уходили всё глубже и глубже в урман, а тот светлел, очищался от духов, от буреломов. Очищал лес и реки Ондрэ, и лес здоровел, отдавая здоровье всему живущему.

Узнали манси с Конды и Сосьвы, что Ондрэ высветил урман, и стали заселять его. А защищал их от всех бед сын Пеклы Ондрэ — Сын с Оленье Ушко.

ХРАБРАЯ ТАТЬЯ

Апонька с Татьей жили на самом краю деревни Сампавыла — Деревни Глаз.

Татья зимой и летом ловила рыбу, осенью заготовляла орехи и ягоды. Апонька уходил на охоту. Хорошо, дружно жили Татья и Апонька.

Ушёл однажды Апонька в дальний урман. Чем дальше и глубже заходил, тем больше пушного зверька встречал. Затянула его погоня за куницей — не заметил, как стемнело.

— Ну ладно, — решил охотник. — Не пойду в лесовнюю избушку. У костра заночую.

Выбрал охотник в ельнике густое место, где ветер не гулял и не сквозил, костёр развёл. Повесил на огонь котелок, сварил мясо. Насытился, положил под голову моховую кочку и улёгся у костра. Совсем не заметил, что рядом вытянул ноги спящий Комполэн — Дух Болотный. Одна нога Комполэна лошадиная, другая — лосиная, с широким раздвоенным копытом. Голову и грудь Комполэна закрывал густой ельник, и спал он тихо и крепко — устал, видно, здорово.

Тихонько погудывал костёр, огонь не спеша грыз сушняк, потом надоело ему быть на одном месте, прыгать принялся. С сучка на сучок перепрыгнул, потом на валежинку, на другую и выпрыгнул из костра. Увидел лосиную ногу и впился в неё огненными зубами. Острая боль разбудила Комполэна, он вскочил и закричал: «Щох! Щох! Обожгло, обожгло».

От крика его вздрогнули, зашатались деревья, сбросили иголки и застыли вдруг неподвижно. Засуетились, заметались снежинки, разбиваясь друг о друга. Лисьим хвостом взметнулось пламя, оторвалось, и костёр погас. Выпрыгнул из чащи Комполэн и увидел Апоньку.

— А!.. Так это ты, охотничек, на меня огонь напустил?!

Схватил Комполэн Апоньку огромными ручищами и затащил в кочкарник. Пнул лошадиной ногою кочку, отшвырнул её в сторону, и перед Апонькой открылась пропасть.

— Вот и сиди теперь там! — рявкнул Комполэн и швырнул охотника в пропасть.

Поджидает Татья своего мужа. Сменилась луна, и вот уже прокатилась вторая, и зима отморозила морозами, весна отцвела, лето прошло. Нет Апоньки.

Одиноко бродит по тропам Татья, ищет Апоньку.

— Апонька! Отзовись! — Но только эхо приносил ей ветер.

Ждёт Татья, вслушивается в каждый шорох, стук и скрип. Собрались старые, мудрые женщины, пришла и Матерей Мать — столетняя Матра, и сказали:

— Хватит ждать! Его нет ни в живых, ни в мёртвых! Наверное, Комполэн взял его в подземное царство.

— Взял в подземное царство... — повторила Татья. — Зачем?

— Кто может знать зачем! — ответила Матерей Мать — Матра. — Но если он в подземном царстве, ты не должна вспоминать о нём. Думы твои дойдут до Комполэна, узнает он твою слабость и придёт за тобой. Его трудно распознать; если он придёт, то примет облик Апоньки. И ты его узнаешь только по ногам.

— Что же мне делать? — спрашивает Татья. — Как мне найти и спасти Апоньку?

— Перестань ждать его и думать о нём! — ещё суровее ответила Матра. — Уходи, уходи, чтобы не отыскал тебя Комполэн.

— Нет! Никуда я не уйду из избушки — кял-келе. Откуда проводила его, там и буду ждать.

Ещё долго ждала Татья, прислушивалась к каждому шороху.

Однажды ночью загремел гром и полил дождь. Стучал по крыше, хлестал в маленькие окна Татьиной избушки. И вдруг Татья услышала стук в дверь.

«Кто там?» — подумала Татья.

Подбежала она к двери:

— Кто там в тёмной ночи?

— Татья, открой! Это я — Апонька.

Распахнула дверь Татья, бросилась на грудь мужу. С Апоньки ручьями стекает вода.

— Садись, садись за стол, Апонька, — счастливо заметалась Татья и подбросила сушняку в чувал. — Где же ты был так долго, Апонька?

Молчит Апонька, улыбается. Быстро собрала на стол Татья, села напротив, глаз от Апоньки не отрывает. И вдруг заметила она: как только поднесёт Апонька ложку ко рту, как только раскроет он рот, так вместо языка пламя колыхается, а зубы острые, широкие, как лопатки, огнём светятся. Обмерла Татья, но собрала все силы и виду не подала.

— Ой, да что это я себе ложку не положила?! — поднялась Татья. — Я тоже есть хочу!

Взяла она ложку, несколько раз хлебнула ухи и уронила ложку на пол. Наклонилась, потом полезла под стол, шарит рукой, будто ищет ложку, а сама пытается ноги разглядеть. И видит — одна нога лосиная, другая — лошадиная. Но сдержалась и тихо промолвила:

— Ай-е! Что же творится в слепой ночи?

У Комполэна по-волчьи загорелись глаза, и он сердито крикнул:

— Что ты, Татья, всё под столом ползаешь? Садись за стол, угощай меня!

Достала ложку Татья, присела за стол и не знает, что ей делать. Как спасти себя?

Всё, что было на столе, проглотил Комполэн, ни крошки не оставил.

— Татья, что ты мне еды как малому ребёнку приготовила?

— Сейчас, сейчас Апонька! Сбегаю в амбар, принесу ураку.

Очень добрый нынче урак! — Схватила Татья берестяной кузов и побежала в амбар. — Что делать?— шепчет Татья. — К людям бежать — не успею. Неужто гибель пришла?

Только подумала Татья, как в углу амбара шорох раздался, перед ней появилась Горностайка.

— Знаю всё, Татья, — тихо сказала Горностайка. — Всю зиму прожила у тебя в амбаре, и ты не гнала меня. И черкана-капкана на меня не ставила. Я помогу тебе! — Быстро забралась по стене Горностайка, сняла сухую щучью челюсть с острыми зубами. — Слушай меня... Комполэн сейчас тебя звать будет с собою. Иди, не бойся. Ты узнаешь, где Апонька. Только когда Комполэн откроет вход в подземное царство, вперёд его не спускайся.

Пусть вначале спустится Комполэн. А ты бросай на него эту челюсть и прикрой вход кочкой.

Поставила Татья на стол кузов с ураком. Съел всю рыбу с костями Комполэн, котёл чаю выпил и говорит:

— Ну вот наконец наелся. Теперь, Татья, собирайся, иди со мной. Новый дом я построил на Черёмуховой речке. Там жить и лесовать будем.

Собрала на дорогу еды Татья, положила в берестяной кузов и вышла за Комполэном. Идут они тёмной тропой. Ветер воет, гром гремит, сверкают молнии.

И при свете молнии Татья увидела, что пришли они в гиблый кочкарник.

Комполэн пнул ногой высокую кочку, отодвинулась та, и открылась пропасть — вход в подземное царство Болотного Духа.

— Спускайся, Татья! — говорит Комполэн.

— Ты спускайся первым, Апонька, — попросила Татья. — Я подам тебе берестяной кузов.

И Комполэн, поворчав, полез вниз. Татья сняла крышку с берестяного кузова, взяла из него щучью челюсть, потом подала кузов.

— Давай скорее! — заторопил Комполэн.

— Сейчас, сейчас, — ответила Татья и бросила в Комполэна щучью челюсть. Вцепилась щучья челюсть в шею Комполэна. Закричал Комполэн страшным голосом и начал бороться с челюстью, раскинул руки-ноги, стал цепляться за землю. Задрожала земля, обрушила в пропасть Комполэна и выбросила наверх Апоньку.

Апонька протёр глаза, кинулся навстречу храброй и смелой своей жене.

— Татья, милая Татья! Ты спасла меня!

С тех пор Комполэн стал бояться женщин, сердца которых переполнены любовью и бесстрашием.

САНТЫР И ЛЭЕН

Вдова была женщина работящая. Она лесовала, рыбачила, готовила на зиму ягоды и орехи. Вставала рано и уходила на промысел. Как говорится, утренняя заря её из дому выгоняла, а вечерняя — домой загоняла. Сердился на неё Комполэн — злой Болотный Дух: «Куда ни пойду, везде перед моими глазами мелькает эта вдова. Вот обернусь в озеро с серебристыми карасями, пойдёт она ловить карасей и утонет».

Идёт с тяжёлой ношей вдова, увидела озеро и удивилась: «Откуда бы тут взяться озеру? Тут всегда шумел сосновый бор. Здесь что-то хитрое и злое».

Идёт она берегом озера и не глядит на играющих серебристых карасей в озере. Видит её из озера Комполэн и злится — взволновал в озере воду, взбил волны в тёмные брызги и кинул в глаза вдове.

Наполнились глаза тёмной водой — ослепла бедная вдова. Заплакала, загоревала: «Как же теперь мои дети будут жить? Кто их будет кормить?»

Узнали дети о беде матери, успокаивают:

— Не горюй, мама, — говорит Сантыр. — Я могу рыбу наловить, дров нарубить, воды принести. А Лэен посуду вымоет, пол подметёт и ещё многому у тебя научится. А сегодня мы с ней сходим тебе морошки нарвём.

Взяли дети берестяные кузовки-пайвы и пошли на болото. Пришли они: куда ни взглянут — везде крупные звёздочки, как жировушки, ярким оранжевым светом горят. Сантыр сразу присел к кочке и принялся обеими руками рвать морошку. А у Лэен разбежались глаза — не знает, к какой кочке присесть, кричит радостно:

— Сантыр! Погляди сюда, ой, столько ягод, что ногой ступить некуда!

Сорвёт она ягодку — бросит в кузовок, сорвёт другую — возьмёт в рот и снова брату кричит:

— Сантыр, попробуй, какая ягода сочная, вкусная!

Брат шутит:

— Ешь, ешь, да смотри, язык вместе с ягодой не проглоти!

Прошло некоторе время, вспомнил Сантыр: «Что это не слышно сестру?» Поглядел в её сторону — не увидел. Крикнул — не отозвалась. Оставил ягоду, побежал по болоту от кочки к кочке. Ищет сестру, кричит: «Лэен, сестрёнка, где ты? Почему молчишь? Что не откликаешься?»

Бегал-бегал, кричал-кричал — не докричался. Видит: бежит белочка по ягодным кочкам в своей летней красной шубке. Остановилась у его ног, печально поцокала и прыгнула на болотное деревце. Махнула ему своим пышным хвостом и поплыла рыбкой с дерева на дерево. Полетела с ветки на ветку, точно крылатая птица.

Долго, до самого вечера, Сантыр искал сестру и вернулся домой один. Снова загоревала, заплакала вдова: «Это, наверное, Комполэн нашу девочку обернул в белочку. Завтра, сынок, отведи меня в кедровый бор, где много белок. Может, она теперь там. Может, моя дочь узнает меня, придёт ко мне».

Долго Сантыр водил свою мать от кедра к кедру. Каждую белочку мать называла дочкой, протягивала свои руки к ней, звала её.

Белочки доверчиво смотрели на неё, слушали, и каждая из них говорила: «Нет, я не твоя дочь». Не качнувшись, проходили они по тонким подрагивающим веткам кедров, срывали самые крупные шишки. Спускались на землю. Ставили шишки вверх верхушками и быстро-быстро очищали их от скорлупы и подсовывали в руки слепой женщине.

— Я ищу свою дочь Лэен, — говорила вдова. — Не видели ли вы её здесь?

— Нет, не видели, — отвечали белочки.

— Пойдём, мама, домой, — зовёт её Сантыр. — Нет здесь нашей Лэен. Наверное, Комполэн её у себя держит. Пойду в его царство.

— Что ты, сынок! — взмолилась мать. — Разве может человек, да ещё ребёнок, справиться со злым духом?!

Много дней шёл Сантыр по сосновым, кедровым борам, по ельникам и березникам. Еле продирался. Шёл-шёл — на седьмой день подошёл к ветхой, маленькой лесовней избушке. Открыл дверку, видит: сидит перед чувалом маленький седой старик. Греет у чувала остывающие руки.

— Дедушка, можно к тебе зайти? — спрашивает Сантыр.

— Если ты добрый человек, входи, а если плохой, то за дверью постой.

А сам уже подвинул чурбак и пригласил Сантыра сесть.

— Чей ты, человек, и куда собрался? — спрашивает старичок.

— Я — сын вдовы, а иду в царство Комполэна освободить сестру.

— Это хорошо, сынок. Хоть ты ещё и подлесок, а сердце и ум у тебя крылатые, — похвалил его старичок и угостил чаем. — А теперь ложись спать да загадывай сон. На новом месте сны бывают правдивыми.

Ночью поднялся сильный ветер, стучал, шуршал старыми дранками на крыше, раскачивал дряхлую избушку. Сначала Сантыр боялся, что она может от ветра рухнуть и придавить их с хозяином, но потом уснул и увидел страшный сон. А снилось ему, что его сестра, как олень, впряжена в нарты. И какое-то чудовище сидит на нартах, бьёт её хореем, погоняет. Бедная Лэен загнанно дышит и из последних сил старается бежать быстро.

Сантыр проснулся рано и думает: «Надо идти, но как же я оставлю такого ветхого старика в этой дряхлой юрте. В любое время она может упасть и придавить его».

Он вскочил и давай брёвна рубить, доски таскать, избушку поправлять. Избушку поправил, дров нарубил, рыбы наловил. Чувал затопил, ухи наварил, хозяина накормил, сам наелся и сон рассказал.

— Любит, любит дочь Комполэна кататься на белочках, — сказал старик. — Они её кормят, забавляют, а она их бьёт, ругает. Люль есть Люль.

Сжалось у Сантыра сердце от жалости, он вскочил и начал быстро собираться. Но старичок его усадил и велел послушать его:

— Ты, Сантыр, иди всё в ту сторону, где солнце встаёт. Вот тебе белый, влажный мох. Когда подойдёшь к дымному болоту,

приложи мох к носу и рту, чтобы не задохнуться.

— А почему, дедушка, то болото дымное?

— Да, должно, наши предки, что живут в Нижнем царстве, сильно топят чувалы. А дым из труб выходит в болото.

Он подал Сантыру свой лук и пёструю стрелу.

— Смотри, по дороге не балуйся стрелой, береги её. Когда придёшь к Комполэну, увидишь в доме на угловичке чудище, похожее на куклу, стрелу в него пусти. Только хорошо целься, не промахнись. Промахнёшься — погибнешь. Смерть Комполэна — в этом чудище. Комполэн умрёт вместе с дочерью. А теперь дай твой мизинец правой руки.

Взял старичок мизинец Сантыра и долго на него шептал.

— Ты, сынок, повстречаешь караульщика. Он спросит, куда идёшь. Отвечай: иду к свету. Он подумает, что ты идёшь из царства Комполэна. Потом он захочет потянуться с тобой на мизинцах. Не отказывайся, тянись.

Долго шёл Сантыр, не ел, не пил, не спал. Подошёл к дымному болоту, видит: из одних кочек валит густой, едкий дым. Из других — пламя с шумом клубами вырывается. Не стало сил дышать, вот-вот задохнётся. Он взял влажный мох, приложил его к носу и рту и поспешил прочь от болота. Немножко отошёл и слышит страшный голос:

— Куда идёшь?

— К свету, к свету иду, — ответил Сантыр.

Подошёл к нему высокий, поросший мхом Вор-Хум — Леший и говорит:

— Ну, идущий к свету, давай потянемся на мизинцах. Попробуем силы.

Взял маленький мизинец Сантыра в свой толстый, и потянулись они. Тянутся, тянутся. Ни тот, ни другой перетянуть не может. Сантыр поймался за ствол сосны левой рукой, чувствует: идут к нему силы, как сок весенний по сосне. Собрал он все силы сосны в себя, поднатужился и перетянул Вор-Хума. Рассердился Леший, гаркнул громко:

— Ну, раз перетянул, то иди!

Идёт Сантыр. Чем дальше, тем темнее становится. Подошёл к избушке — ничего не видно, еле двери отыскал. Тихонько двери открыл и у порога под лавкой спрятался. Осторожно выглядывает из-под лавки. Видит: на стенках волчьи головы висят, а их глаза огнём светятся, как зажжённые лучины.

Сантыр хорошо огляделся — нет Комполэна и нет на угловичке Акынь — куклы, где хранится смерть Комполэна. Наверно, когда уходит Комполэн, прячет свою смерть, подумал Сантыр.

На нарах сидит Люль — дочь Комполэна. Две белочки, одна большая, другая маленькая, забавляют Люль. Она заставляет их то петь, то плясать, то драться. Сама то и дело ударяет их палкой. Потом, видно, устала, пала на нары-лежанку и захрапела.

Большая белочка взяла на руки маленькую белочку, прижала к себе, приглаживает её шерстку и плачет:

— Хоть бы скорее пришёл к тебе брат и освободил нас. У меня вот нет брата — кто меня сестрою назовёт? А я только тогда из белочки в человека превращусь, когда назовут меня сестрой.

— Я тебя, Упы, всегда сестрой зову, — сказала Лэен.

— Ты не брат, а надо брату меня сестрой назвать.

А Сантыр всё слышит.

Вдруг зашумел урман, крыша избушки заходила ходуном, дверь избушки распахнулась, влетел Комполэн, пал на пол и захрапел громко.

Сантыр тихонько высунул голову из-под лавки, взглянул на угловичок, увидел — Акынь-кукла появилась, и пустил стрелу в неё. Раздался страшный грохот, зашевелилась земля, и раскатился по небу крик как гром. И стоит Сантыр на топком болоте, бегут к нему две белочки — большая и маленькая. Сантыр схватил их за лапки и говорит:

— Сёстры мои. Ты, Лэен, исюм — младшая сестрёнка, а ты, Упы, ёкым — старшая сестра!

И куда девались белочки, а вместо них стоят перед ним сестра Упы и сестрёнка Лэен.

— Ох, кабы найти нам прямик из этого болота, — говорит Сантыр. — Да как бы зайти к доброму старику, сказать ему спасибо за науку!

Он рассказал сестре и сестрёнке про старика. Упы говорит:

— Я здесь, у Комполэна, долго прожила, весь урман знаю, но не слыхивала и не видывала старика. Это, наверное, Лесная Дева обернулась стариком, она всегда помогает советами добрым людям.

Они нашли прямик и скоро пришли домой. Их встретила радостная, со зрячими, осветлёнными глазами мать и обняла, прижала к своему сердцу всех троих.

ВЫНДЫР–ОХОТНИК И ЯЛВАЛ ХОДЯЧИЙ

В стойбище манси рода Чайки — Халэв жил молодой охотник Вындыр. Он был скор на ноги, чутьё имел на крупного зверя. А мелкого зверька пушного — белок, горностая, колонков — никогда не трогал — нравились ему их весёлые, беззаботные игры. Как-то собрался Вындыр в дальний урман — на землю Лосиной головы. Туда много зим не ходили лесовать охотники манси рода Халэв — боялись Ялвала Ходячего: не пускал Ялвал в свои урманы охотников из других родов, загонял в топкие болота.

Старый отец Сойтын не стал отговаривать сына, сказал только:

— Вындыр, знаю: дальние, неведомые урманы охотнику ума прибавляют. Но твой ум пусть заранее туда-сюда ходит, а глаза пусть издали видят тот урман.

— Хорошо, отец! Я посылаю свои глаза и ум впереди себя! — ответил молодой охотник.

Идёт Вындыр день, другой идёт, неделю идёт. Забывает о сне и еде. Чем глубже в урман заходит, тем больше мелкого зверя встречает. Весь снег они исходили-истропили, точно из снега косы плели.

Шёл-шёл Вындыр, увидел, как белки в догонялки-пятнашки играют. Смахнул он снег с валежины, присел посмотреть на игру. А белки бегают вверх-вниз по стволам сосен — только кора шуршит и чешуйками осыпается под их лапками. Да так они разыгрались, что на плечи Вындыра стали прыгать, а потом через него.

Откуда ни возьмись — колонки, зверьки кровожадные. Погнались колонки за белками, белки перепугались, зацокали, распушили дымчатые хвосты и начали перепрыгивать с дерева на дерево — уходить от своих врагов. Одна Белочка с самой высокой лиственницы прыгнула на колени Вындыру. Понял охотник, что ищет она у него спасения, и спрятал её под шабур. Та и затаилась.

Бегали, гонялись колонки за белочками — не догнали. Остановились под кедром, потянули ноздрями воздух, уловили запах Белочки и подбежали к охотнику:

— Охотник! Это, наверное, ты белочек прячешь?!

Вындыр сначала смеялся, махал руками, криком пугал колонков, а те не боятся — тянутся лапками к воротнику, шарят под шабуром. Рассердился охотник, схватился за лук и стрелы — колонки испугались и разбежались.

Вылезла из-под шабура Белочка, села на руку охотника и заговорила:

— Спасибо, охотник, что спас меня. А зовут меня Сойсам: лесная колдунья белочкой меня заколдовала.

— За что же она обидела тебя? — удивился охотник.

— За то, что я хотела сбежать в стойбище людей рода Чайки. А тебя, охотник, как зовут и куда ты идёшь?

— Меня зовут Вындыр, — ответил охотник. — Иду лесовать на землю Лосиной Головы.

— Что ты, что ты?! — забегала по плечам охотника Белочка. — Там живут злые духи — Ялвал Ходячий и его сестра Вор-Люльнэ — лесная колдунья, которая меня заколдовала. Ялвал очень сильный — он высотой с высокую сосну, а ступни у него саженные, тяжёлые. Переступит левой ступнёй — левая сторона земли пошатнётся, переступит правой — правая сторона земли покачнётся. Он заставил людей рода Гагары вырыть вокруг стойбища глубокие ямы и борозды. В тех ямах и бороздах Ялвал насторожил подрезы, губительные петли и самострелы.

— Зачем? — удивился Вындыр.

— А затем, чтобы ни люди, ни звери не уходили в другие урманы. И чтобы к нам никто не приходил. В нашем роду давно нет молодых людей и детей. Самые молодые — я и сестра Кыльтов — Берёзовая Ветка.

— Так он решил погубить людей рода Гагары?! — догадался охотник.

— Да! — грустно согласилась Сойсам. — Отец мой, Перко, взял нашу мать из рода Чайки. Он пробрался через рвы и самострелы, но Ялвал узнал об этом и велел выколоть ему глаза, а нашу мать замучил на тяжёлой работе.

— Покажи мне дорогу к Ялвалу, Сойсам. Нужно освободить род Гагары от злого духа.

— Не ходи, смелый охотник, — взмолилась Белочка. — Тебе не справиться одному.

— Да, из одной жердины запоры на реке не поставишь. Из одной лозины кямку-ловушку не сплетёшь, — ответил охотник. — Но я ведь не один... Со мною ты и твоя сестра. Видишь, нас много — вместе мы одолеем злого духа.

Взбежала Белочка на высокую сосну, махнула хвостом и сказала:

— Иди, Вындыр, на восход солнца. Трудно станет, зацокай белочкой — приду тебе на помощь! — И скрылась в сосновых лапах.

Долго шёл охотник. Устал, есть захотел и подумал вслух:

— Хоть бы зверь какой-нибудь попал!

Только подумал, как увидел Лося. Стоит рядом сохатый, поедает мох с деревьев. Прицелился Вындыр, пустил стрелу, но прилетела встречная стрела и на мелкие щепки разбила его стрелу.

— Что такое? — удивился охотник. — Кто бы это мог?

Посмотрел Вындыр и увидел, что на спине Лося пронеслась лёгкая, как ветерок, девушка. От удивления зацокал охотник белочкой. Прыгнула к нему на плечо Белочка-Сойсам и спрашивает:

— Что случилось, Вындыр? Зачем ты меня звал?

— На огромном Лосе пронеслась лёгкая, как ветерок, девушка и разбила мою стрелу.

— Это моя сестра Кыльтов — Берёзовая Ветка. Она давно дружит с Ыньтипом-Рогатым, — ответила Сойсам. — Ыньтип-Рогатый не боится Ялвала Ходячего и Вор-Люльнэ — Лешачиху: у него острые, сильные рога. Берёзовая Ветка оберегает его от стрел охотников, а Рогатый охраняет её от Ялвала и Лешачихи. Понял?

— Ыньтип — это здорово! Нас становится всё больше! — обрадовался охотник и продолжил путь.

Всё глуше становится лес, могучие деревья преграждают дорогу, исчезли тропы, и солнце едва пробивается сквозь ветви.

Устал охотник, без свежего мяса совсем обессилел. Присел на пенёк и задремал.

Догадалась Белочка, что охотник выбился из сил, сбегала к Кыльтов — Берёзовой Ветке, рассказала, что много силы охотник потерял. Берёзовая Ветка наварила мяса, взяла из коптильни копчёной рыбы — урака, прыгнула на спину Ыньтипа-Рогатого, Белочка-Сойсам села на плечо сестры, и быстро помчались они туда, где крепко спал Вындыр. Долго они ждали, пока проснётся охотник, — ведь во сне человек силы набирается, — не дождались. Прыгнула Белочка-Сойсам на грудь охотника, пощекотала его лицо своим хвостом и разбудила.

Сытно поел Вындыр — обрёл силу.

— Скоро начнётся земля Лосиной Головы, — сказала Сойсам. — А её охраняет Ялвал с сестрой Вор-Люльнэ.

— Прежде надо победить лесную колдунью, — сказал охотник.

Вдруг высунул из-под сугроба голову Горностай:

— Пасе олын сим ком! Здравствуй, живи, милый мужчина! Я давно зол на лесную колдунью. Это она прикусила кончик моего хвоста, и с тех пор он стал угольно-чёрным. Каждую зиму я надеваю белую шубку, а кончик хвоста чёрный. Совсем стало трудно прятаться от врагов — колонка, соболя, куницы и совы. Надо победить Вор-Люльнэ. А чтобы победить её, нужно похитить у неё змеиный выползок — прошлогоднюю шкуру и сжечь ту шкуру на горячем костре. Змеиный выползок хранится в пустотелой кости, а кость покоится на полке возле чувала-очага, но дверь в юрту Вор-Люльнэ запирается так хитро, что нам не открыть.

— О! — обрадовалась Белочка-Сойсам. — Дверь открыть нетрудно.

— Вон её избушка, — показал Горностай и нырнул в сугроб.

Опустилась в дымоход Белочка-Сойсам, возле чувала на полке отыскала пустотелую кость оленью, вынесла друзьям. Развёл горячий костёр Вындыр и бросил в пламя змеиный выползок. Посинел костёр, вздулся, жёлтым вдруг стал, как огромное яйцо, зашипел, подниматься начал над тайгой, да не поднялся выше старой лиственницы — лопнул.

Взметнулось вверх пламя, взвились до неба искры, грохот потряс урман. Сорвались в страхе снежинки с сугробов, заметались, забились. С кедровых и еловых лап тяжело ухнула на землю кухта — снег с веток.

Сойсам и Кыльтов ничком упали в снег, рухнул на колени Ыньтип-Рогатый. Горностай выбросился из сугроба.

Только Вындыр глазом не моргнул, не шевельнулся, не дрогнул — увидел охотник, как исчезла вместе со змеиным выползком злая колдунья.

— Поднимайтесь! — крикнул он. — Нет больше злой колдуньи!

И увидел Вындыр, что перед ним стоят две сестры — Кыльтов и Сойсам, одна другой краше, в сверкающих нагрудниках, которые носили люди рода Гагары.

Улыбается Сойсам и берёт охотника за руку. Пошли они на землю Лосиной Головы.

Вошли в дремучий урман, и вскоре Вындыр увидел на вершине высокой лиственницы большую лосиную голову с раскидистыми рогами.

Рядом с лиственницей заметил охотник странную сосну — внизу расходились два неохватных ствола, а вверху они намертво срослись в корявую страшную голову, покрытую мхами, точно болотная кочка. Сойсам тихо прошептала:

— Вот — Ялвал! Не говори громко, чтобы не услышал.

Хорошо поглядел Вындыр — увидел ноги-стволины, тёмную голову-кочку, дремучую, безликую и безглазую голову. Хорошо подумал Вындыр и сказал:

— Ялвал такой высокий, однако без сильных корней. Крепко на земле стоять не может. Да и голова у него хотя и большая, но шибко мягкая. В ней, как на болоте, только клюква и может вырасти. — Осторожно — не хрустнул сучок — обошёл вокруг Ялвала охотник, осмотрел и, вернувшись, сказал: — Ты, Ыньтип, иди, припади к земле на пути Ялвала. А я сейчас его окликну, он пойдёт, запнётся о тебя и упадёт.

— Эй, Ялвал! — крикнул Вындыр.

Медленно, словно луна в небе, повернулась голова — болотная кочка, и Ялвал медленно пошёл на крик. Под тяжёлыми саженными ступнями земля заколыхалась, закачалась. Громом в небе загремел Ялвал:

— Кто?! Кто позвал меня?! Кто позвал и помешал мне думать?!

Сделал Ялвал несколько шагов, запнулся за Ыньтипа-Рогатого и упал — только земля задрожала да с треском ломались сучья.

Схватил охотник шапку с головы Ялвала и пронзил стрелой.

— Кыльтов, Ыньтип! — позвала Сойсам. — Надо скорее оторвать от земли Ялвала, чтобы он силы не набрался.

Упёрся могучими рогами Ыньтип в сухую сосну, вывернул с корнями. Кыльтов бросила на землю несколько сушин. Вындыр выворачивал пни, сооружал завал-лёжку.

Подсунул Ыньтип под Ялвала рога, Вындыр — крепкую жердь, помогают ему Сойсам и Кыльтов — Березовая Ветка. Не хватает им силы. Тут на жердь прыгнул Горностай, и свалили они Ялвала на завал-лёжку. Пусть теперь сохнет Ялвал, пусть станет сухой валежиной.

И открылся путь по земле Лосиной Головы в земли манси рода Гагары.

Идут друзья урманом в стойбище ослеплённого Перко, снег похрустывает под ногами, солнце ласково освещает дорогу.

Из-под замшелого пня выскочила Мышка, увидела Сойсам и вынесла ей из норки узорный ватланчик — берестяную посудину.

— Возьми, Сойсам, ватланчик, — сказала Мышка. — В нём хранятся глаза твоего отца. Мы долго ждали, когда дорогу в нашу землю откроют. Но помни: ватланчик нужно открыть перед лицом отца, — сказала Мышка и исчезла.

Пришли они в стойбище людей Гагары. Обрадовался Перко, прижимает к сердцу дочерей:

— Помасип, помасип! Спасибо, спасибо тебе, охотник Вындыр, за дочь мою Сойсам.

Поднесла Сойсам ватланчик близко-близко к лицу отца — прозрел тот. Вместе с Вындыром они сняли самострелы и подрезы во рвах.

Вновь стали свободны люди рода Гагары. В стойбище раздался смех, вспыхнула песня и разгорелись костры.

— Ты можешь взять в жёны дочь мою, Сойсам, — обратился Перко к охотнику.

Не угас род Гагары. Девушки стали верными жёнами охотников рода Чайки. У них родились крепкие и смелые дети, сильные и умные, как Вындыр и Сойсам.

АРИНЭ И САНКИ ОЛЕНЬИ РОЖКИ

Ситка так любил свою жену и маленькую дочь Аринэ, как любит наша Земля своё Солнце. Идёт Ситка на охоту — спешит и ног под собой не чует. Идёт с охоты под тяжёлой ношей — спина не гнётся к земле и лямки не давят его плечи. Придёт домой — не наглядится на свою малышку. Любуется ею — не налюбуется.

Но как день без ночи, так жизнь без утрат и печали не бывает. Пришла чёрная болезнь в избушку Ситки и забрала его жену. Сироткой осталась малютка Аринэ, дочь смелого охотника Ситки.

Любовью к Аринэ переполнено сердце охотника Ситки. Сам нянчит дочь, поёт ей колыбельные песни, а когда уходит на охоту, оставляет её доброй и мудрой бабушке Таись.

Но бьёт ли рыбу острогой Ситка, гонится ли за лосем, выслеживает ли соболя, всё думает Ситка о малютке Аринэ.

«Совсем крохотная, как утёнок, слабая, лапки едва держат, а у бабушки Таись много внучат. Она, как куропатка, водит за собой выводок — семь да ещё семь внучат. Нет, плохо дело! — грустно думает Ситка. И так думает и этак думает, каждый раз плохо. — Подрастёт Аринэ, кто станет учить её одежды шить, пищу готовить? Кто древние законы ей передаст? Однако надо привести ей новую мать. Наверное, молодую нужно взять», — размышляет Ситка.

Что одной головой надумал, то и сделал. И с бабушкой Таись не посоветовался. Из другого стойбища привёл Ситка молодую жену — крупную, красивую, с чёрными, как дно закопчённого котла, бровями, красными, как брусника, губами.

Молодая мачеха была ленива, как соболь перед ненастьем, и сонлива.

Люди стойбища прозвали мачеху Сувыннэ — Ленивая. Это беда, большое несчастье, когда жена манси ленивая.

«Беда Ситке, и только, — пожалела Ситку бабушка Таись. — Ничего она делать не станет, только по гостям ходить да красоту свою показывать. О, небо! Почему хорошего человека наделяешь непутёвой, ленивой женщиной?»

Целыми днями валялась в постели Сувыннэ, грызла орешки. А маленькая Аринэ собирала в лесу хворост, носила тяжёлые вязанки к чувалу, с реки таскала воду, готовила пищу. Сувыннэ только покрикивала:

— Вари рыбу! Вари мясо! Быстрее поворачивайся! Корми меня! Садись, шей мне платье!

Ситка ничего не знал, но с охоты всегда что-нибудь приносил своей Аринэ: то земляники, то брусники, то крупную кедровую шишку. Вечерами в лесовней юрте вырезает Ситка ложки, а для Аринэ вырежет с тонким узорным черешком.

Бабушка Таись и дедушка Портя, собрав вокруг себя внуков и правнуков, давали в руки каждому кому нож, кому иголку с ниткой, кому красивый лоскуток, и внуки вырезали из дерева стрелы, а внучки вышивали узоры.

Бабушка Таись помнила и умела вышивать узоры, которыми манси украшали свои одежды. Научилась у бабушки и Аринэ причудливым узорам и сама вышивала ушки, лапки, усы и глаза зверей.

Сидели они на тёплом солнышке, бабушка тихо напевала, ей тоненьким голоском подпевала Аринэ, а дед Портя садился рядом и тихо наигрывал на лебеде — семиструнном санквалтапе.

Чуткие и гибкие пальцы
Вышьют искристый и светлый узор,

Чтобы няры, и сахи, и малицы
Разноцветьем зажглись,
Как осенью бор!
Чтобы песни и сказки старинные
Достойное место в узоре нашли,
Листочки короткие, длинные
Шелестом лёгкого ветра вошли.

Далеко и высоко поднимаются три голоса: бабушки, внучки и священного семиструнного лебедя.

Подросла Аринэ, стала шить шапки, рукавицы, шубы и детям, и старикам.

Как-то Ситка ушёл на охоту, поднялась с постели Сувыннэ и приказала Аринэ:

— Сшей-ка мне лебяжью шубу, да поскорее. Время наступило мне в гости ходить.

Потребовала глупая, жестокая, ленивая сшить себе шубу из шкурок священных лебедей. Отец убивал их редко, чтобы принести в жертву Духам Добра и Удачи. И лебяжьи шкурки хранились в шайтанском амбаре как святыня.

— Шей, шей! — приказала мачеха.

День шьёт, второй, третий шьёт Аринэ шубу из лебяжьих шкурок, не спит. И наконец сшила необычно красивую шубу. Проснулась Сувыннэ, увидела шубу, вскочила и надела её. Надела и принялась оглядываться, осматривать себя сзади, как оглядывается Лебедь — Хотанг.

— Неси быстро чуман со светлой водой. Буду смотреть, какая я в шубе.

Долго она вертелась вокруг чумана, разглядывала себя и шубу. Вертелась, кружилась Сувыннэ, как берёста на огне. Понравилась сама себе. И пошла в гости похвастаться и разбудить в женщинах зависть.

Идёт по стойбищу Сувыннэ, оглядывается, будто живая лебедь перед дождём ощипывается, когда пёрышки расправляет и жиром смазывает. До того доглядывалась, что споткнулась, упала и больно зашиблась. Топнула ногой Сувыннэ и зло проговорила:

— Нет, не нужна мне такая шуба. Надела её, а всю не вижу, иду и оглядываюсь. Оглядываюсь да падаю, падаю да ушибаюсь! Заставлю мужа Ситку добыть таких лебедей, чтобы из шкурок их можно было сшить самоглядную шубу. Надену её — она сама будет оглядываться.

Вернулся Ситка с охоты. Сувыннэ надулась и говорить с мужем не хочет.

— Что с тобой, жена? — заботливо спросил Ситка.

— Я хочу, чтобы ты добыл таких лебедей, из которых я сошью самоглядную шубу.

— Да где такие диковинные лебеди живут? — спросил Ситка. — Я обошёл все урманы, но не знаю такого озера.

— Захочешь — найдёшь! — заявила Сувыннэ.

На другой день стал собираться на охоту Ситки, подготовил стрелы, сменил тетиву, нож наточил, обувь добрую надел.

— Отец, не ходи! — просит Ситку Аринэ. — Зачем убивать священных лебедей? Бабушка Таись сказывала, что они с юга к нам приносят белое тепло и всем — и людям, и зверям — дают это тепло.

Но отец не послушался Аринэ, ушёл искать далёкое Лебяжье озеро.

Катилось солнце, катилось время. Прошли два месяца — июнь, июль — время летнего запора и копчения рыбы. Наступил август — месяц садков, когда рыбу не коптят, а сажают в садки. А Ситки всё нет — ищет диковинных лебедей, из которых можно сшить самоглядную шубу.

— Пойду искать отца, — сказала Аринэ бабушке Таись и дедушке Порте. — Научите, куда идти, скажите, где искать.

— Без края урман, — ответил Портя. — Урман большой. Много троп в урмане, а зверей и того больше!

— Много троп в урмане, а зверей того больше, — повторила Аринэ. — Только отец у меня один. И кроме меня, его некому искать!

— Тогда возьми мой лук, возьми мои стрелы. Вот мой нож, Аринэ. Они верно служили мне и доброму делу. И возьми ещё санки с оленьими рожками, они достались мне от деда.

— Зачем санки? — удивилась Аринэ. — Сейчас лето...

— Это волшебные санки. Садись, и они повезут тебя, куда ты прикажешь, и остановятся, когда ты коснёшься ногами земли.

Аринэ села на санки, они сразу же тронулись легко и побежали, покатились, как нарта в оленьей упряжке.

Покачиваются санки, рожками пошевеливают, пробегают по борам, по болотам с кочки на кочку, а рожки — вверх-вниз, словно утки в озере ныряют. Болотные кочки клюквенным, густо-красным смехом смеются, морошка вокруг санок кружится, голову наклоняет, ягод попробовать приглашает.

Поела морошки Аринэ, и клюквы поела, и дальше покатила.

Долго ехала Аринэ, расспрашивая тропы и деревья об отце. Нет, никто не видел Ситку, но совет добрый давали. Подъехала к таёжной речке, остановилась, пошла по берегу Аринэ, решила узнать у речки, у берега узнать об отце. И слышит вдруг — сосны стонут. Видит Аринэ — лежат в реке сосны, оголённые корни едва-едва, из последних сил цепляются за берег, стонут сосны, теряют силы — вот-вот оторвутся от родной земли и, умерев, поплывут по реке.

— Сосны, сосны, милые, что с вами? — спрашивает Аринэ.

— Смотри, берег наш подгрыз Виткась — Пожиратель Всего, — из последних сил ответили сосны.

— Берёзки, берёзки, дайте мне веток, — подбежала к берёзкам Аринэ. — Совью верёвки и сосны подниму.

Дали ей гибких веток берёзки. Сплела Аринэ верёвки с петлями на конце, набросила петли на сосны и поставила их на берег. Сосны быстро распустили корни и крепко уцепились за землю.

— Спасибо тебе, Аринэ! Мы будем помнить твою доброту.

Только хотела Аринэ сесть в санки, как услышала шум в реке.

«Что такое?» — подумала девочка и увидела, как шумно и тяжело задышала река. Медленно и грузно поднимаются и опускаются её берега. Задрожал лес, река выплеснулась на берег и, словно спасаясь от кого-то, полезла в гору. Выполз из реки, с самого дна, Виткась — Пожиратель Всего: и берегов, и рек — болотисто-зелёный, скользкий, холодный, похожий на огромную лягушку.

Сверкнул Виткась страшными глазами и заревел:

— Ты зачем сюда пришла?! Я тебя сейчас съем! — выбросил свой длинный язык.

Потянулся, вздрагивая, язык Виткася к Аринэ. Отступила назад девочка, упёрлась спиной в сосну, натянула лук и пустила стрелу и ещё много стрел в пасть чудовища. Задрожал язык, мелко стал биться о берег, изгибаться раненой щукой. Не может изжевать и проглотить стрелы Виткась, стал давиться ими. Победила Аринэ Виткася.

Река вошла в своё русло, побежала спокойно, заискрилась, засветилась, словно яркие зимние звёзды упали в тёплую летнюю воду. И появилась из реки на лёгкой волне Женщина-Рыба — Кулнэ. Никто ещё не видел Женщину-Рыбу при солнечном свете, всегда она появляется лишь в лунные ночи.

Увидела Аринэ, как прекрасно у Кулнэ сверкающее серебряное тело, гибкое, как у стерляди. С головы на блестящие плечи и на маленькие руки сбегают длинной лёгкой волной изумрудно-зелёные волосы. А ног у Кулнэ не видно — покачивается она на широком серебряном хвосте. Вокруг Кулнэ поднялись на могучие хвосты осетры и стерляди, муксуны и нельмы, плавниками поддерживают волосы Женщины-Рыбы.

Смахнула Кулнэ крупные слёзы и заговорила тихо:

— Спасибо тебе, храбрая, смелая девушка. Ты освободила наш водяной дом от обжоры Виткася. Возьми от меня в подарок расшитый бусами нагрудник. — Кулнэ бросила на берег к ногам Аринэ волшебный нагрудник. — Он светит ночью лунным светом, а днём от солнца разгорается. — И Женщина-Рыба медленно погрузилась в голубовато-зелёные воды реки. Аринэ и спросить не успела о тропах, что ведут к отцу.

Начала Аринэ рассматривать волшебный нагрудник, и в рисунке его увидела она изгибы всех рек земли манси, большие и малые озёра и увидела отца на тропе, он подходил к огромному светлому озеру, окружённому кедрачом. Бросила Аринэ нагрудник в дорожный пайп-кузовок, прыгнула в санки и крикнула:

— Скорее, санки, надо спасти моего отца Ситку от несчастья. Поранив лебедя с потаённого озера, он смертельно поранит свою душу. Ни один урман не простит за лебедя ему.

И покатились, покатились санки, словно в оленьей упряжке. Долго мчалась на санках Аринэ — по урманам, по болотам и сорам. И подъехала к Хоталтуру — Светлому озеру. Видит: посреди озера плот, на плоту покачивается человек, натягивает лук, чтобы пустить стрелу в прекрасного лебедя. Узнала Аринэ отца, побежала по берегу озера.

Кричит Аринэ:

— Отец мой, Ситка! Не стреляй в лебедя! Не убивай лебедя!

Отец не слышит дочери, совсем не слышит. Бежит Аринэ, а санки не отстают, катятся за Аринэ, повернулись и упёрлись в её колени. От усталости, от горькой обиды присела Аринэ на санки и заплакала.

А санки с берега спустились к озеру, прямо по воде покатились. Аринэ скорее надела волшебный нагрудник, и переливающийся свет сотен бусин, отражённый от глади воды и от солнца, вспыхнул ярко и ударил по глазам отца. Ситка опустил лук и принялся протирать глаза. Успела подъехать к нему Аринэ.

— Аринэ, дочь моя! — поразился и обрадовался отец. — Почему ты здесь, на краю нашей земли?

— Я искала тебя, отец! Ты так долго не возвращался.

Без боязни подплыла к ним лебединая стая. Самый крупный лебедь сказал:

— Тысячи лет никто из людей не мог проложить сюда тропу. Вы проложили...

Он ещё хотел что-то сказать, но вышли Ситка и Аринэ на берег озера и сели отдохнуть, поговорить.

Поднялась лебединая стая белым облаком и опустилась рядом с Аринэ. Взмахнули лебеди огромными крыльями, ударили по воде — с ног до головы обрызгали Ситку чистой озёрной водой. На глазах помолодел Ситка. Второй раз ударили лебеди по воде — обрызгали Аринэ. Её сахи стала белеть, светлеть, сверкать и превратилась в прекрасную самоглядную лебяжью шубу.

— Ты спасла нас, Аринэ, будь нашей сестрой! — громко крикнули лебеди.

Когда третий раз взмахнули крыльями лебеди — обрызгали санки с Оленьими Рожками. Поднялись санки на стройные, могучие ноги и обернулись красивым оленем с раскидистыми, ветвистыми рогами.

Достала Аринэ из дорожного кузовка нагрудник и украсила грудь Оленя.

— До свидания, Лебеди-Хотанги! — сказали Ситка и Аринэ. — До свидания, Хоталтур!

А сами отправились в стойбище.

Люди стойбища вышли встречать Аринэ с отцом.

Мачеха увидела на Аринэ самоглядную шубку, смотрит на неё жадными глазами, то поглаживает её, то старается снять её с плеч Аринэ, а сама повторяет:

— Ситка, это для меня шубка? Аринэ только так надела, да?

Но Аринэ подошла к дедушке Порте, сняла шубку и сказала:

— На, дедушка, снеси её в священный шайтанский амбар, пусть она висит там. Наши женщины никогда не будут шить и носить шубки из шкурок священных лебедей.

Все люди стойбища сказали:

— Правильно сделала Аринэ! Пусть её дни будут чисты и белы!

А жестокая, глупая мачеха от зависти почернела и умерла.

МЫКОЛКИНА КЯМКА

В маленькой деревне жила вдова со своим сыном Мыколкой. Мыколка был хромым: то ли его в день рождения Вор-Люльнэ — лесная колдунья сглазила, то ли какая болезнь с ним приключилась. Мальчик рос без друзей, дети не брали его в свои шумные игры. Иногда приходила к нему сиротка Лонхальтап — Колокольчик, резвая, со звонким голосом, смешливая выдумщица. Когда она приходила, то из песка строила домики, из прутиков ставила запор, из глины «стряпала» рыбные пироги и угощала его. Мыколка рад был приходу девочки, ему с ней было легко и весело.

Вдова с сыном жили бедно, потому что сын не мог лесовать-охотиться и ловить рыбу в дальних больших запорах и ловушки мастерить не умел. Придёт зима, он кое-как загородит под горой арпу — зимний запор, поставит из прутиков сделанную кямку-ловушку и сидит, ждёт, когда в его кямку рыба зайдёт.

Вот как-то, сидя у арпы, он увидел в воде, около своей кямки, огромного карася. Карась созвал всех рыб и говорит им:

— Рыбы, посмотрите, какая страшная кямка. Это сын вдовы, Мыколка, такие пузатые и тёмные кямки плетёт.

Засмеялись рыбы и уплыли от арпы. Обидно стало Мыколке. Опустил он голову и заплакал. Вдруг видит: выплывают на поверхность воды в проруби длинные зелёные волосы, как летняя тина, потом показалась женская голова. Мыколка от страха зажмурился, а когда открыл глаза, чтобы лучше рассмотреть женскую голову, её уже не было.

Только ещё некоторое время на тёмной поверхности воды колыхались зелёные волосы. Мыколка догадался, что показалась ему Кулнэ — Женщина-Рыба. Он слышал, что Кулнэ при ясном свете дня показывается самому счастливому человеку, и, чтобы убедиться, припал к краю проруби и крикнул:

— Кулнэ, к добру аль к худу ты мне показалась?

Забурлило подо льдом, что-то заурчало, и послышалось Мыколке:

— К добр-р-у-у-у!

Вернулся Мыколка домой, рассказал матери всё как было, и задумались они. Долго думали, какое это добро, что пообещала Кулнэ, где оно есть и как его найти.

День кончился, настал вечер, а они всё думают. Потом подошла ночь, и около полуночи дверь скрипнула, послышался старческий голос:

— Доброй думы вам, полуночники! — И вошёл в избушку дряхлый, в изорванном шабуре Старик.

Засуетились мать с сыном: Мыколка чурбак Старику подставляет, садиться приглашает, а вдова ершовую уху с кусочком хлеба несёт.

— Спасибо, спасибо вам, добрые люди, последним кусочком делитесь с прохожим человеком.

Угощая Старика, Мыколка рассказывал:

— Кулнэ мне показалась, сказала, что к добру. Да как же я найду-то его? Где?

Маленькими острыми глазками посмотрел на Мыколку Старик.

— День красен солнцем, а человек — трудом и добром, — тихо проговорил он. — Волка ноги кормят. Человека — руки. Умные руки дело найдут, а в деле — добро обретут.

Тут подошла полночь, и Старик исчез. Проснулись они утром, а на полу лежит полено, рядом жалинка прочная, гибкая, не толще детского мизинца. Догадались они, что это им оставил ночной гость. Вертели они полено и жалинку и так и эдак думали — и поняли, что лиственничное полено может колоться без задоринки на тонкие прямые части — салит — жалины.

— Мама, ведь мудрый Старик к нам заходил. Из этих салит — жалин можно сплести светлую и прочную кямку. Её в воде рыбы не увидят и не обойдут.

Недалеко от их дома стояла огромная прямая лиственница. Мать с сыном срубили её и накололи очень много длинных салит — жалин. Потом Мыколка сделал берестяной наколенник, чтобы жалины штаны не рвали и колено в кровь не сбивали. Поставил чурбак для сидения, наточил нож и начала соструг ивать ножом острые грани жалин — только дымкой вьётся над его ножом стружка-паутинка.

День сидит Мыколка, другой сидит, не ест, не пьёт. Только на седьмой вечер мать уговорила его поесть да уснуть.

Вышел утром Мыколка, взял наколенник, хотел надеть на колено, смотрит — наколенник не его, а сделан женской рукой и весь покрыт красивыми узорами. Разглядывает он наколенник и думает: «Такой тонкий узор на берёсте могут сделать молодые, гибкие пальцы и молодые, зоркие глаза. Не иначе, это сделала какая-то девушка. Но кто? Все деревенские девушки надо мной смеялись, называли Лылпол — Хромоногий. Это только Лонхальтап могла сделать».

Давно Лонхальтап стала девушкой. Давно она закрыла глаза платком, как все женщины, чтобы не показывать своё лицо людям. Но Мыколка с детских лет запомнил её лицо. И оттого,

что есть рядом с ним человек, который думает о нём, стало ему хорошо и весело. Он придумал песенку о Лонхальтап и то напевал её, то насвистывал.

Повязал Мыколка в то утро узорный наколенник, сел на чурбак, взял в руки нож и только потянулся за жалиной, а она сама поднялась со штабелька, где лежали неоструганные жалины, легла ему на колено и начала поворачивать свои острые грани под его ножом. Так и пошло. Каждая неоструганная жалина сама ложилась на колено под его острый нож, а оструганная — круглая и тонкая, как мизинец младенца, соскальзывала с колена и ложилась в штабелёк.

Рос штабелёк готового материала, росла и куча тонких стружек перед ним, а Мыколка строгал и строгал жалины. Приходили к нему деревенские манси — смотрели на его работу. Им казалось, что нож Мыколки не стругал, а плясал по граням жалин, и не работал он, а играл — занимался детским занятием, и что-то у него повредилось в голове.

На седьмое утро Мыколка, отодвигая от себя ногой кучу пенных стружек, взглянул на них и в сизом их тумане увидел светлую кямку, а в ней — красивую девушку с нежной улыбкой, совсем как у Лонхальтап. Мыколка не сдержался, вскочил на ноги, потянулся к кямке, хотел обнять её, но ноги его запутались в длинных стружках, он упал и крепко заснул. Когда проснулся, уже знал, какую кямку ему плести.

И ещё усерднее принялся Мыколка за работу. Сплёл одну кямку — отставил, отошёл, чтобы издали на неё посмотреть, а вместо одной уже стояло две: сплёл вторую — а их стало четыре. За несколько дней он изготовил столько кямок, что их ставить уже негде было.

Пришли рыбаки, взяли у него для пробы по кямке, поставили в яйт — летний запор, и рыба заполнила их. Обрадовались рыбаки, весь яйт обставили новыми ловушками Мыколкиной работы и заказали ему ещё для зимних арп и сказали:

— Мыколка, ты лесовать и рыбу ловить не ходи, мы тебе всё принесём, ты только плети ловушки.

Теперь в Мыколкином доме всего хватает: и рыбы, и мяса, а он с ещё большим старанием плетёт и плетёт ловушки. До крови смозолил пальцы, прикрепляя каждую жалину к черёмуховому обручу мятым кедровым корнем. Много он сделал кямок, но ни одна из них не походила на ту, что показалась ему в куче стружек.

Однажды он сказал себе:

— Всё, хватит. Сплету последнюю кямку и дам отдохнуть пальцам.

Сидит он день и ночь, вяжет жалину за жалиной к обручу, а из кончиков пальцев капля за каплей сочится тёплая кровь. И — вот она, готова та кямка, какая ему показалась в куче пенных стружек.

Благодарные манси устроили Мыколке праздник — Глядельник-смотрины. У дома вдовы и её сына собрались все манси.

Матери одели своих дочерей в самые лучшие платья, староста сказал:

— Люди мои, сегодня мы за доброе дело Мыколки покажем всех невест нашего стойбища, пусть он выберет себе в жёны девушку такую красивую, как его чудная кямка.

И матери по очереди стали подводить своих дочерей и ставить их рядом с кямкой. Всех показали, но Мыколка ни на одну не взглянул.

Зашептались люди:

— Бедный урод, видно, умерло его сердце от такого неслыханно красивого Глядельника.

Но Мыколка медленно поднялся со своего чурбана и неловко захромал к бедной сиротке Лонхальтап, что стояла далеко в стороне. Подошёл, взял её за руку, подвёл к кямке, поставил с левой стороны, а сам встал с правой. И повис, заколебался густой туман, скрыл Мыколку и Лонхальтап, а потом спустился, упал на землю, как патас-перевес. И — чудо! Стоит Мыколка на здоровой прямой ноге. Рубаха на нём из самой тонкой замши, какую умеют делать мансийки из доброго неплю. Вся рубашка вышита такими узорами, что солнце сощурилось от их яркости и красоты. А платье и халат Лонхальтап сшиты из самого тонкого ярмака — шёлка и тоже расшиты тонкими узорами. Если бы по подолу платья и халата для утяжеления не был вышит широкий узор из разноцветных бус и не было бы у неё на груди нагрудника яркого из бус, поднял бы её ветер, как пушинку, и унёс бы себе в жёны.

Так Мыколка нашёл в своём труде то добро, которое обещала ему Кулнэ — Женщина-Рыба.

СТРЕЛА — ОГНЕННЫЙ НАКОНЕЧНИК И ВОРНЭ

Много бед приносил Комполэн — Злой Болотный Дух охотникам манси, то путал тропы зверей, и охотники не могли их разобрать, то совсем прятал следы от глаз охотников, то своим страшным криком отпугивал зверей, прогонял их в другие урманы. А чаще обманывал охотников. Обернётся в лося, охотник пустит стрелу, подойдёт — окажется совсем не лось, а обгорелый пень.

Давно устали охотники-манси от проделок Злого Болотного Духа, но терпели и ждали. Они слышали от мудрого старого манси, что однажды у сильного и умного отца родится сын. Он добудет себе Стрелу с Огненным Наконечником и победит Комполэна.

На берегу озера Дальнего — Элэнтура, в лесовней юрте, в маленькой избушке — вор-кял, у охотника Кырыля и рыбачки Пэтось родился сын Сямын.

Очень любили отец с матерью сына своего. Вкусно кормила его Пэтось — то урашницу сварит, то ядра из кедровых орехов вышелушит, истолчёт в ступке да маленьких хлебцев напечёт: «Кушай, сынок!», то костный мозг лосиный с рыбной мукой запечёт.

Как только Сямын на ноги встал — сразу потянулся к отцовскому луку. Приподнимет с земли тяжёлый лук, с которым отец ходит на сохатого, пытается тетиву натянуть да стрелу пустить, но пока сил не хватает. Каждый день тетиву натягивает сын Сямын.

— Кто знает, может, Сямын — тот юноша, который избавит нас от Болотного Духа? — размышляет Кырыль. — Может, он добудет стрелу — Огненный Наконечник?

Много дней делал отец лук своему сыну — крепкий, гибкий лук с тугой тетивой.

— На, — отец подал стрелы Сямыну. — Учись метко стрелять.

С тех пор Сямын не расставался с луком, а когда подрос, отец сделал ему из берёсты маску Комполэна и сказал:

— Помни, сынок, стрела твоя без нужды не должна задевать и ранить ничего живого на земле: ни реки, ни птицы, ни зверька.

Вот тебе берестяная маска Комполэна — научись без промаха попадать ему в глаз.

Натягивает тугую тетиву Сямын, стрелу за стрелой пускает в маску Духа Болотного.

А Комполэн, уставший от бега по урманам, напугав зверей и птиц, присел на болотную кочку. И чувствует, что кто-то целится в него.

Оглянулся Комполэн — никого не видно, прислушался — ничего не слышно. Только присел, вытянул лосиную ногу, что-то ударило, щёлкнуло его в лоб. Начинает Сямын натягивать тетиву — Комполэн уже чувствует, что целятся в него. Попадает стрела маске в лоб — хлопает себя по лбу Комполэн огромной ручищей, словно его комар укусил. Попадёт стрела мальчика в глаз маске — из глаза Комполэна брызгает слеза, а в ушах стоит звон и шум до боли в голове.

Схватился за глаз Комполэн, забегал со страшным криком вокруг озера, распугал уток и гусей:

— О-о! У-у! Ы-ы, ай-ее! Неужели родился тот мальчик, что добудет Стрелу с Огненным Наконечником?! Когда и где он родился, почему я не видел? Искать его! Найти его! Погубить, пока не вырос! — заметался по урману Комполэн.

Оттолкнулся Комполэн от болотной кочки лосиной ногой и понёсся диким ветром искать мальчика, который, наверное, добудет Стрелу с Огненным Наконечником. Всех злых духов расспросил Комполэн, во все урочища заглядывал, прибежал на берег Дальнего озера — Элэнтура.

И видит Комполэн: маленький мальчик натягивает тетиву, метко попадает стрелой в берестяную маску Болотного Духа. И кончик одной, самой меткой стрелы остро краснеет горячим угольком.

— Так! — промычал Комполэн. — Вот он и есть этот мальчишка-стрелок. Отца-матери нет дома, сведу я мальчишку на съедение голодным воронам. — Приподнялся над берегом Комполэн, увидел, что Кырыль и Петось неводят на озере карасей. — Увести подальше, не сразу его хватятся: караси вон какие крупные.

Обернулся Комполэн в желтогрудую Трясогузку. Присела Трясогузка на пень возле маски, раскачивается, приседает на упругих ножках, кланяется, тонким хвостиком взмахивает, подпрыгивает, на лету комариков и мух ловит и на маску садится, в берестяной глаз Комполэна смотрит.

— Можно нечаянно попасть в Трясогузку, — вслух подумал Сямын. — Нужно отогнать птичку или поймать и отнести в другое место.

Подошёл мальчик к птичке, взмахнул руками, а Трясогузка сидит себе, не шевельнётся. Протянул к ней руки, чуть не поймал, но птичка словно нехотя поднялась и рядом на траву присела.

Тянет к ней руки Сямын, а желтогрудая птичка качнёт хвостиком вверх-вниз и перепорхнёт в сторонку рядышком.

«Поймаю», — думает мальчик.

Дразнит, заманивает Трясогузка Сямына. Вела-вела, завела далеко в густую чащу и внезапно исчезла, как будто её и не было.

Оглянулся вокруг себя Сямын — ни тропы, ни солнечного света не видит, только гудят комары. Испугался мальчик, громко позвал мать, ещё громче крикнул отца, но услышал только карканье Ворона да тоненький комариный писк.

А Комполэн за деревом спрятался и Ворона зазывает:

— Лети, лети сюда, Ворон Чёрный. Веди сюда свою стаю, растащите по кусочкам, по косточкам мальчишку.

Позвал Комполэн вороньё и убежал в своё непроходимое болото.

Долго блуждал по лесу Сямын, устал. Наступила ночь, присел под кустик мальчик и заснул.

А в это время по уснувшему лесу шла добрая Лесная Дева — Ворнэ.

Тихо, невесомо ступает по земле Ворнэ — не колыхнётся уснувшая трава, не упадёт вечерняя росинка, не порвётся туман над ручьём.

Тихо, чтобы не спугнуть сон, заглядывает Ворнэ в птичьи гнёзда и дупла, в лесные норы — то у птенца крылышко поправит, то шерстинку у зверька пригладит.

И слышит вдруг Лесная Дева Ворнэ, как тяжело и протяжно вздохнула земля. Опустив зелёные ресницы, тихо плачут деревья. Слышит Ворнэ, как, прижавшись друг к другу, трепетно дрожат осины. Сломанные ветви на берёзах обессиленно повисли. У молоденьких ёлочек сорваны пушистые макушки, а на земле глубокие следы Комполэна. Поправила Ворнэ ветки на деревьях, заровняла следы на земле и вошла в осинник.

— Что здесь натворил Дух Болотный?

Зашептали осинки, перебивая друг друга:

Комполэн заманил в лес мальчика, сына Кырыля и Пэтось, что живут на берегу Элэнтура. Он заманил того мальчика, у которого, наверное, Стрела с Огненным Наконечником.

— Где мальчик? — тревожно спросила Ворнэ.

— Там, — махнули осины ветвями в ту сторону, куда ушёл Сямын.

Заторопилась Ворнэ, заглядывает в дупла, в густые ельники — не видно мальчика.

— Вон он! — пискнул Бурундучок.

Осторожно взяла Ворнэ заснувшего Сямына, прижала к зелёной своей груди и понесла домой.

В зелёных тёплых руках несёт Ворнэ спящего малыша.

Долго, очень долго ждали его люди, деревья, звери и птицы. Долго ждала его сама Земля.

Нужно сохранить его и дать ему силы.

Комполэн добежал до своего болота, пнул ногой кочку — открылся вход в подземное царство. И тут он пожалел, что не взял с собою Сямына: «Вдруг с ним не справятся вороны?» Повернул назад Комполэн, понёсся вихрем, обрывая ветви и ломая сучья.

Мчится с гулом Комполэн, зорко и жадно смотрит по сторонам, вот-вот увидит Ворнэ. Услышала бег Болотного Духа Лесная Дева и обернулась стройной берёзой, а Сямына превратила в листик зелёный. Пробежал Комполэн, не заметил того, что на поляне новая берёзка появилась с лишним зелёным листочком. Бросилась бежать Ворнэ к Элэнтуру, но вновь её догоняет Комполэн. Едва успела Ворнэ обернуться сосной, а Сямына превратила в шишку, как пронёсся мимо Комполэн и задел плечом сосну. Закачалась сосна — чуть не упала. Комполэн остановился, заподозрил что-то, несколько раз обошёл сосну, но среди сосновых шишек не заметил самую маленькую. И, ломая ельник, дальше помчался.

Поздним вечером с богатым уловом пристали к берегу Элэнтура отец с матерью. Вышли на берег — не встречает их сын. Ночь наступила — нет Сямына. Бросился отец искать, мать кинулась в чащу, зовут сына — только эхо откликается. Горестно запричитала мать:

— Мой сыночек маленький, лучик солнца аленький! Через тёмненький лесок подай маме голосок!

Услышал Лес плач матери:

— Нет твоего сына, Пэтось, в этой стороне.

— Берег-берег-бережок, — взмолилась мать, — не проходил ли мой сынок?

— Нет, не видел я здесь твоего сына, — ответил Берег.

— А может, он за рекой? — со слезами говорит мать и зовёт сына: — Где ты, сынок, что с тобой? Может, ты там, за рекой? Через быстру реченьку подай маме рученьку!

Шёпотом ответила ей Старая Берёза:

— Не отросли ещё крылья у сына твоего, Пэтось. Как же он попадёт за реку, не побывав на этом берегу?! Не было его здесь, нет его и за рекой.

Всю ночь искали и звали сына своего отец с матерью. Поднялись на взгорок, в молодой сосняк. Видит отец: на жёсткой хвое лежит лосёнок и глаза прикрыл. Ослаб, видно, потерял мать, давно не ел, не пил. Пэтось с Кырылем подняли его на руки, понесли домой, положили у огня. Напоила его Пэтось тёплой ухой, медвижьим салом ранки смазала, накрыла шубой. Согрелся лосёнок и только открыл глаза, как вошла Лесная Дева — Ворнэ с мальчиком на руках.

— Вы — добрые люди, — сказала Ворнэ. — У вас чуткое сердце. Кто своё дитя сильно любит, тот и чужого приголубит.

Положила Лесная Дева спящего Сямына на постель. Сорвала с платья ленточку радуги и ею оперила стрелу. Выдернула из нагрудника, из горящего узора солнечный луч и заострила им стрелу.

— Этой стрелой я награждаю твоего сына, Пэтось, — сказала и исчезла.

— Кырыль! Это Ворнэ спасла нашего сына. Это Ворнэ одарила его Стрелой с Огненным Наконечником.

День ото дня растёт Сямын, набирается ума и силы, каждый день стреляет из лука. И чем чаще попадает в цель, тем жарче раскаляется наконечник стрелы.

На какие хитрости ни пускался Комполэн — начал хиреть и силу терять. Обернулся Комполэн огромным волком и лёг в лесочке у избушки Сямына. Как только юноша вышел на тропу, бросился на него Комполэн. Натянул тетиву Сямын и пустил в глаз волка Стрелу с Огненным наконечником.

Громово крикнул Комполэн — всколыхнулась ночь от края до края. Заколыхалась земля, открылась чёрная пропасть — вход в подземное царство. Высоко подпрыгнул Комполэн, хотел вырвать стрелу из глаза да и рухнул в пропасть. Сбежались крупные, мелкие звери, слетелись птицы и забросали вход в подземное царство землёй.

И вдруг в глубокой осени всё расцвело, вспыхнуло радостью освобождения. Разрывая мох, вырвались к свету зелёные травы, оделась в листву берёза, опушилась верба и распустилась черёмуха.

СЛОВАРЬ МАНСИЙСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ай-е! Ай-е! — восклицание «Ой, что это?!»

Акынь — домашние божки, деревянные идолы — хранились в шайтанском амбаре. Считалось, что они приносят удачу охотнику.

Анщих — старик.

Анщих Сисьва Пялт — Старик Длиной с Зайца — персонаж мансийских сказок.

Апа — берестяная люлька.

Арпа — зимний рыболовный запор на реке.

Астюх! — восклицание «Как холодной водой меня облили!».

Аю-аю! — восклицание «Больно, больно!».

Ватлан — берестяная посудина с плотной крышкой.

Виткась — Пожиратель Всего Живого и Неживого — злой дух, живущий в воде, обжора.

Вор-Люльнэ — лешачиха, лесная женщина.

Ворнэ — добрая лесная богиня, воплощающая в себе все положительные качества, которые свойственны человеку.

Вор-Хум (Выскорь) — леший.

Вуй — зверь.

Выскорь — злой лесной дух, похожий на вывороченный пень с длинными корнями.

Екым — старшая сестра.

Ели Торум — подземный бог.

Жалины — двухметровые колотые, тонко оструганные лиственничные палки.

Заверованные деревья — охраняемые древним законом деревья, на которые при жертвоприношении развешивались красивые лоскутки материи.

Исюм — младшая сестра.

Карус — сруб.

Каслать — кочевать.

Касюм — младший брат.

Комполэн — Болотный Дух — получеловек-полузверь.

Кулнэ — Женщина-Рыба, Комполэн превратил женщину в рыбу за то, что она не пожелала стать его женой.

Кухта — снег на ветках.

Кял-келе — маленький домик.

Кямка — морда, рыболовная снасть.

Лесовний — лесной.

Люль — плохой, дурной.

Малица — мужская одежда из оленьих шкур, внутрь мехом.

Макол — земляной дом.

Наверхосытку — на десерт.

Напа — берестяное приспособление для переноски крупногабаритных предметов (ловушек, больших кусков мяса).

Нарта — санки для езды на оленях или собаках.

Нары — приспобление для сна в виде настила из досок.

Неплю (ненецк.) — шкура оленя, снятая в августе, когда шерсть короткая, замша.

Номи Торум — верховный небесный бог.

Няры — женская обувь из неплю (замши).

Пайва — берестяной заплечный короб для переноски ягод, грибов, орехов.

Перховник — кустарник, густое мелколесье.

Пурлахтых — моление и принесение жертвы Шайтану.

Садок — плетёная клетка для живой рыбы.

Сайрын — белый.

Самоходы — люди, шедшие на новые земли по своей воле.

Санквалтап — мансийский мужской музыкальный инструмент.

Серкан — деревянная ловушка на колонка, горностая, зайца.

Сойтын — умный.

Сахи — женская одежда из оленьих шкур, внутрь мехом.

Суваннэ — ленивая.

Сурвяка — блюдо, приготовленное из брусники, рыбьего жира, рыбьей муки и толокна.

Сюкум — мама.

Таль-таль — припевка «Ай-лю-ли».

Туес — берестяная посудина с деревянным дном и деревянной крышкой.

Тумран — древний мансийский женский губной музыкальный инструмент.

Тур — озеро.

Урак — копчённая по-мансийски рыба.

Урашница — суп из копчёной рыбы.

Хотал — день.

Хорей — длинный шест для управления оленями.

Чувал — мансийская глинобитная печка-очаг.

Чуман — берестяная посудина, заменяющая таз.

Шабур — халат, малахай из грубого конопляного полотна, надеваемый поверх шубы.

Шайтан (Пупий) — земной бог.

Ялвал Ходячий — злой лесной дух.

Яйт — загородка через всю реку — плетёный частокол.

Янга — молодое болото, в мифологии — красавица дочь старого болота.

Япум — старший брат.

Ярмак — шёлк.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
средней школы № 7 поселка Талинка

За 7 лет существования историко-краеведческий музей средней школы № 7 пос. Талинка собрал достойный внимания фонд. У нас есть разнообразные коллекции и выставки по природе и истории края:

Современная флора и фауна в произведениях изобразительного искусства
Палеонтология края
Традиционная культура коренных народов (ханты и манси)
Край в составе Российского государства
Православная деревня — пос. Сухоруково
Край в период социализма
История НГДУ «Талинскнефть»
История развития пос. Талинка
Летопись средней школы № 7 пос. Талинка и др.

Наш музей дает целостное и глубокое представление об истории и культуре края и рассчитан на все категории населения. Краеведческий материал музея используется на уроках биологии, химии, географии, экологии, истории, литературы. Школьный музей позволил ввести отдельные курсы: «История ХМАО», «Культурология», «История изобразительных искусств», факультативный курс «Краеведение через сказки».

Работа музея высоко оценена специалистами и администрацией округа.

В ноябре 1999 года за участие в XI региональной научно-практической конференции «Словцовские чтения-99», посвященной 120-летию Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова, наш музей награжден медалью «За сохранение национального достояния».

Музей отмечен дипломами — за участие в смотре-выставке, посвященной 70-летию образования Ханты-Мансийского автономного округа «Округ на рубеже веков» и в окружной выставке «Школа-2000». Музей является лауреатом IV Московской международной выставки «Школа-2000».

Музей продолжает активно работать, пополнять фонд, привлекать к сотрудничеству детей и взрослых, разнообразить свою деятельность. Наши планы весьма обширны и рассчитаны на перспективу. Издание «Сказок бабушки Аннэ» с иллюстрациями детей пос. Талинка — это воплощение одного из главных направлений работы музея.

Мы ждем ваших предложений и надеемся на плодотворное сотрудничество.

Наш адрес: 628195 Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нягань, пос. Талинка, 1 микрор-н, д. 50, Муниципальное общеобразовательное учреждение Средняя общеобразовательная школа № 7.

Р/с 40206810500000140009 в ОАО КБ «Сибконтакт»

Телефоны: (34672) 4 99 15, 4 99 39, 4 50 40

E-mail: Schkola7museum@os.ru

Министерство образования Российской Федерации

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 7997

о присвоении звания
«ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ»
Историко-краеведческий

(наименование музея)

Муниципальная средняя школа №7 п. Таежка

г. Нягань Ханты-Мансийский автономный округ

(школа, район, город, область, край, республика)

за большую поисково-исследовательскую
общественно полезную работу,
создание интересной экспозиции
и успехи в воспитании учащихся

12 января 2001 год.

«___» _____

Центр детско-юношеского
туризма и краеведения

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

ДИПЛОМ

НАГРАЖДАЕТСЯ

Историко-краеведческий музей
п. Талинка сш №7
г. Нягань

ЗА УЧАСТИЕ В СМОТРЕ-ВЫСТАВКЕ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 70-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
«ОКРУГ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ»

ГУБЕРНАТОР
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Музей отмечен дипломом за участие в смотре-выставке, посвященной 70-летию образования Ханты-Мансийского автономного округа «Округ на рубеже веков».

ДИПЛОМ

III СТЕПЕНИ

НАГРАЖДАЕТСЯ

краеведческий музей
СОШ №7
п. Талинка

Победитель окружной выставки
«Школа-2000»

В марте 2001 года музей отмечен дипломом как победитель окружной выставки «Школа-2000».

Музей является лауреатом IV Московской международной выставки «Школа-2000».

Музей награжден медалью «За сохранение национального достояния».

В средней школе № 7 поселка Талинка на базе школьного музея в течение нескольких лет преподается факультативный курс «Краеведение через сказки» и курс «История изобразительных искусств» — одни из важнейших в гуманитарном цикле. Они позволяют решать важные задачи: воспитывают уважение к культуре и традициям прошлого и настоящего, знакомят детей с нравственно-эстетическими ценностями общества, пробуждают гордость и любовь к Отечеству.

Именно сказки позволяют сформировать у детей целостную картину мира, рождают чувство взаимосвязи и взаимозависимости явлений природы и человека (на сегодня — это самая глобальная проблема) и развивают устойчивую нравственную позицию. По словам В.А. Сухомлинского, «сказка неотделима от красоты, способствует развитию эстетических чувств, без которых немыслимо благородство души, сердечная чуткость к человеческому несчастью, горю, страданию. Благодаря сказке, ребенок познает мир не только умом, но и сердцем. И не только познает, но и откликается на события и явления окружающего мира, выражает свое отношение к добру и злу. В сказке черпаются представления о справедливости и несправедливости».

А курс «История изобразительных искусств» развивает творческий потенциал детей, обеспечивает более надежные основы нравственно-эстетического образования учащихся.

Изучение краеведения через сказку оказалось интересным и плодотворным не только для детей, но и для преподавателей школы. Постепенно возникла идея создать книгу сказок, проиллюстрированную детскими рисунками, формировался образ будущей книги. Наибольшее впечатление на школьников произвели произведения мансийской сказительницы А.М. Коньковой, собранные в книге «Сказки бабушки Аннэ». Ее короткие сказочные истории для малышей и легенды для детей постарше, отразившие историю и культуру народа манси, позволили юным художникам в полной мере проявить свою фантазию и творческие возможности.

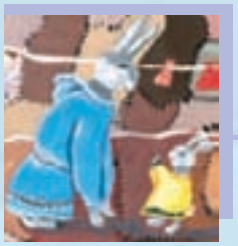
Досконально изучив материал, погрузившись в мир северного фольклора, почувствовав его колорит, дети приступили к выполнению творческих заданий. У них получились замечательные поделки, иллюстрации к сказкам. Каждая работа была индивидуальна, по-своему хороша.

Сначала идея создания книги была поддержана на XI региональной научно-практической краеведческой конференции «Словцовские чтения-99», в работе которой принимали участие 300 человек из 30 городов России. В резолюции конференции так и записано: «Рекомендовать администрации г. Нягани способствовать изданию «Сказок бабушки Аннэ» с иллюстрациями детей пос. Талинка».

Макет книги одобрил губернатор Ханты-Мансийского автономного округа А.В. Филипенко, посмотрев иллюстрации будущей книги, он написал на титуле: «С чувством благодарности и восхищения. А.В. Филипенко. 10.03.2000 г.».

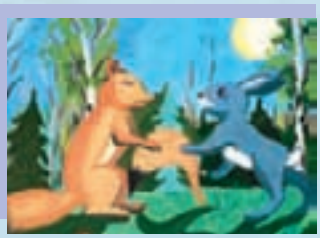
Появлению книги, которую Вы держите в руках, способствовали самые разные люди. Она увидела свет благодаря поддержке администрации НГДУ «Талинскнефть», ТНК «Нягань», разрешению наследников Анны Митрофановны Коньковой на издание текстов ее сказок, финансовой помощи Б.И. Нуриева и М.М. Полонского. Мы благодарны всем, кто принял участие в издании «Сказок бабушки Аннэ» с рисунками детей поселка Талинка.

«СКАЗКИ БАБУШКИ АННЭ» ИЛЛЮСТРИРОВАЛИ



Марина Стальмакова
Екатерина Криворученко

«ХОЧУ НЕ ХОЧУ»

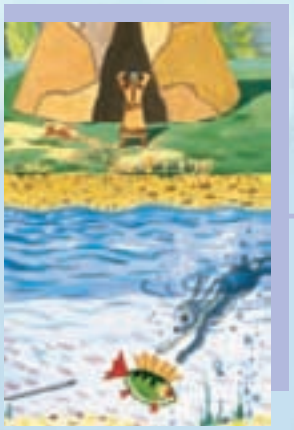


Андрей Гинку

«КАК ОКУНЬ ПОЛОСАТЫМ СТАЛ»

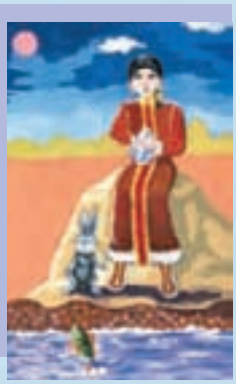
Полина Масленцова

«КАЖДЫЙ ДРУГОМ СИЛЕН»



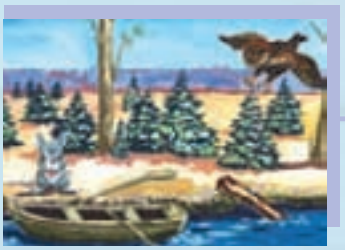
Евгений Седайкин
Татьяна Безрукова

«МАСНЭ И ЗАЙЧОНОК»



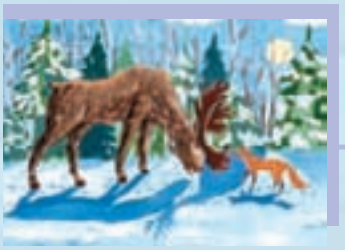
Кристина Киптенко

«ЗАЙЧОНОК И КОМПОЛЭН»



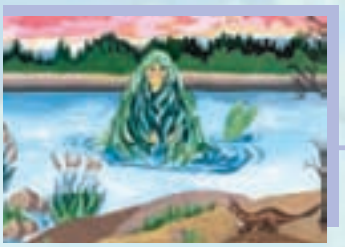
Дмитрий Романенко

«ЖАДНАЯ ТЭРЯЙКА»



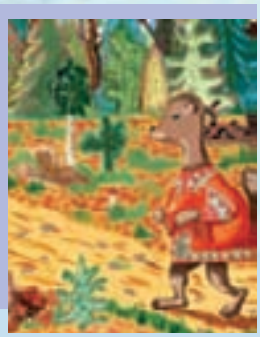
Роман Седайкин
Анастасия Кулакова

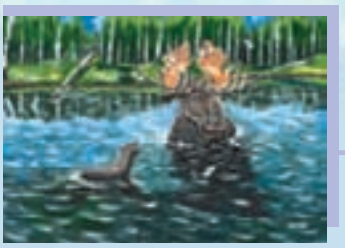
«УМНЫЙ СОЙТЫН»



Анастасия Ансимова
Регина Томилова

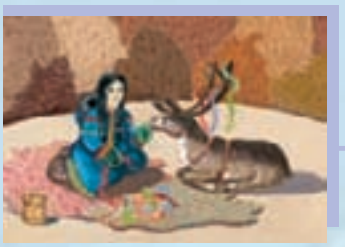
«СОРНИН КАНЯСЬ — ЗОЛОТОЙ КНЯЗЬ»





Павел Приголовкин

«ЛОСЬ И ВЫДРЁНОК»

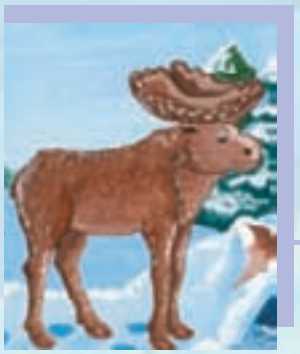


Марина Алексеева
Роман Седайкин

«ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО»

Павел Приголовкин

«СТАРШИЙ БРАТ»



Юлия Томалова
Ольга Хотинян

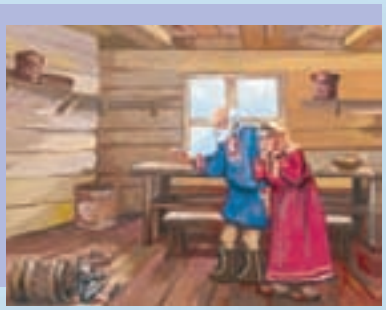
«КОМПОЛЭН — БОЛОТНЫЙ ДУХ»

Фахридин Жуманов

«ВОЖАК ИВЫР»

Дмитрий Романенко

«ПОССАМ — ЛУЧИК»



Павел Приголовкин

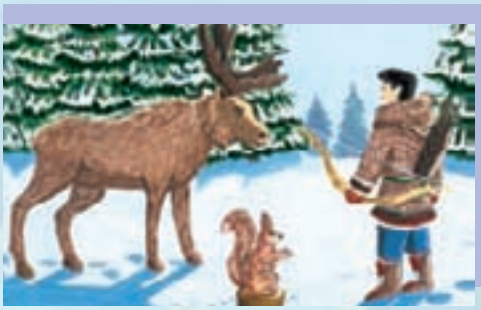
«СЫНОК С ОЛЕНЬЕ УШКО»

Ирина Попова

«ХРАБРАЯ ТАТЬЯ»

Ольга Васильева

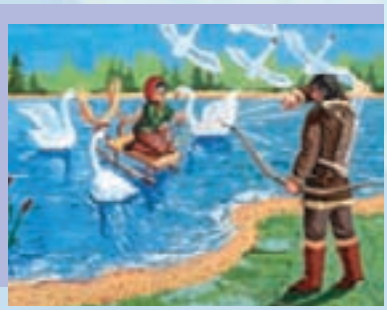
«САНТЫР И ЛЭЕН»



Кристина Киптенко

«ВЫНДЫР-ОХОТНИК
И ЯЛВАЛ ХОДЯЧИЙ»

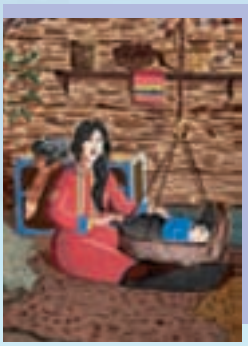
Евгений Седайкин



«АРИНЭ
И САНКИ ОЛЕНЬИ РОЖКИ»

Елена Пышкина

«МЫКОЛКИНА КЯМКА»



Марина Алексеева

«СТРЕЛА —
ОГНЕННЫЙ НАКОНЕЧНИК
И ВОРНЭ»

СОДЕРЖАНИЕ

Из рода Чаек. *А. Мищенко* 5
Мать Матерей. *М. Мадьярова* 8
Слово и изображение. *Н. Федорова* 9
Памяти Анны Митрофановны Коньковой.
Н. Косполова 10

КАЖДЫЙ ДРУГОМ СИЛЕН

Хочу Не хочу 12
Как Окунь полосатым стал 15
Каждый другом силён 17
Маснэ и Зайчонок 21
Зайчонок и Комполэн 26
Умный Сойтын.....29
Сорнин Канясь — Золотой Князь.....33
Лось и Выдрёнок 36
Жадная Тэряйка 39

ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО

Откуда Северное сияние пошло. *Легенда* 42
Старший брат. *Легенда* 47
Комполэн — Болотный Дух.....51
Вожак Ивыр. *Легенда*.....55
Поссам — Лучик 61
Сынок с Оленье Ушко 65
Храбрая Татья 73
Сантыр и Лэен 77
Вындыр-охотник и Ялвал Ходячий 82
Аринэ и Санки Оленьи Рожки.....88
Мыколкина кямка 95
Стрела — Огненный Наконечник и Ворнэ 101
Словарь мансийских слов и выражений 106
Историко-краеведческий музей
средней школы № 7 поселка Талинка 108
«Сказки бабушки Аннэ» иллюстрировали 114

ООО Издательская группа «Медиа Технологии Групп»

Россия, г. Екатеринбург, а/я № 444
тел/факс: +7(343) 376-60-20
e-mail: mtg@66.ru www.mtg.ur.ru

фирменный стиль

логотип

знак

бренд

креатив

разработка и сопровождение рекламных кампаний

издательство

web-дизайн

сувенирная продукция

Конькова А.М.

К 64 Сказки бабушки Аннэ /Ил. детей пос. Талинка. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. — 120 с.: ил.

ISBN 5-7529-0042-5

Сказки мансийской сказительницы с иллюстрациями школьников пос. Талинка.

ББК 83.3 Ма

Конькова Анна Митрофановна
Сказки бабушки Аннэ
Иллюстрации детей пос. Талинка
Автор идеи и руководитель проекта О.П. Стыцюк

Редактор Е.В. Черняк
Корректор М.Ф. Худякова
Технический редактор Т.Н. Черепанова
Верстка Р.С. Ерошенко

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 064913,
выдана 14.01.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции — 005-83,
том 2-293000.

Подписано в печать 10.07.2001. Бумага мелованная.
Гарнитура SchoolBook.
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная.
Печ.л. 15. Уч.-изд. 8,9. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24.

Отпечатано с готового оригинал-макета
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2001